

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

64

МЮНХЕН 1992

СОДЕРЖАНИЕ

Христос Воскресе!	1
Обращение Ельцина к верующим	2
В. Пирожкова. Судьбоносный год России	3
Д. Штурман. Несколько взглядов на аграрный вопрос	11
В. Пирожкова. Архивы Штази	19
Д. Федосеев. Печальная ошибка Польши и других стран социализма	19
В. Рудинский. Воспоминания журналиста. Роман Гуль	24
В. Пирожкова. Потерянное поколение	26
Епископ Викентий. Агония тщеславного разума	33
Протоиерей Д. Константинов. Несколько слов по церковным вопросам	38
Письмо в редакцию	40
Указ Президента Российской Федерации о неотложных мерах по осуществлению земельной реформы	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№64

Март 1992

Мюнхен

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Всех наших сотрудников и читателей — христиан поздравляем с великим праздником Воскресения Христова.

На Западе больше Рождество Христово, на Востоке Европы, в частности, в России, больше и торжественнее празднуется Пасха, праздник из праздников и торжество из торжеств.

Отчего так получилось? Вечные истины христианства воспринимаются и преобразуются в жизнь несколько иначе в каждом отдельном человеке, в каждом народе, в каждой культуре. Это естественно, индивидуальные особенности сотворены тем же Господом, и также и жизнь с Богом не должна представлять собой ничего однообразного, унифицированного, а отражать разные индивидуальности. Апостол Павел говорит: "Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех; одному дается слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом, иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различие духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно." (I Коринфянам, 12, 4-11)

На Западе празднуется больше Воплощение Бога в человеке, Его приход к нам, людям, Его вхождение в историю, тот факт, что, став человеком, Иисус Христос стал навсегда нашим братом.

На Востоке больше празднуется Его воскресение из мертвых как залог нашего воскресения и жизни вечной, Его преображенное тело, которое больше не было подвержено законам материи, не ощущало боли, голода, жажды, Его вознесение на Небо, т.е. в особую сферу существования Бога, не имеющую, конечно, ничего общего со стратосферой или каким-либо иным мировым трехмерным пространством.

Соответственно с этой склонностью праздновать больше тот или другой из двух великих христианских праздников направлялась и деятельность христиан на Западе и на

Востоке Европы.

На Западе Церковь обращала большее внимание на устройство земных дел, земного христианского общества. Тогда как на Востоке Церковь больше устремлялась к Небу, выработала особенно торжественный чин богослужения, много более пышный, чем на Западе, где он скромнее, но и одновременно суше. Но Церковь на Востоке меньше обращала внимание на земную жизнь людей.

На Западе гораздо раньше и в гораздо более широкой степени возникли разные каритативные организации, разнообразные монашеские ордена от таких, которые отдавались только молитве, до таких, которые широко действовали в миру, помогая людям, но также занимаясь не только ремеслами, но и самой глубокой наукой. На Востоке возник только один тип монашеской жизни, сохранивший веру и глубокую мудрость, занимавшийся у себя и ремеслами и культивированием сельского хозяйства и тоже действовавший на население, но далеко не так активно, больше через приходивших в монастырь паломников, а не через собственное деяние в миру.

Везде, где есть свет, есть и тень. Везде, где есть святость и устремление к Богу, возникают и искушения, впадение в грех, ереси. Так и искушения были на Западе несколько иные, чем на Востоке. Да не поймут меня неправильно: все виды искушений встречаются повсюду, где есть христиане. Индивидуально каждый человек может подвергнуться всяким видам искушений, но есть такие, которые для Запада были более характерны, и такие, которые для Востока были более характерны. Так, если взять всю Церковь в целом, для Запада было более характерным впадение в искушение достижения теократии несправедливыми средствами, так называемый папозеизм, на Востоке же — подчинение государству и слишком терпимое отношение к его грехам, так называемый цезаропапизм. Это широко известно, об этом написаны вдумчивые работы, и не нам в этом коротком пасхальном поздравлении углубляться в эту сложную проблематику. Мы ее только слегка коснулись.

Так же и в деятельности христиан на

Западе и на Востоке были разные характерные опасности: у одних — увлечение земной активностью и обмирщение, у других — уход в себя, замкнутость по отношению к миру, его нуждам, по отношению к страдающим людям. Как писал Владимир Соловьев, на Западе Церковь больше грешила, так как больше действовала, на Востоке меньше грешила, так как меньше действовала, но само это бездействие было грехом.

На Западе искушение больше связано с ложно понятой земной наукой. Так, сейчас до многих христиан (есть среди них даже богословы) дошли естественные науки 19-го века. Эти люди всерьез начинают оценивать евангельские повествования с точки зрения науки, но науки 19-го века. Современной естественной науки они не знают. И им кажется, что многое в Евангелии нельзя понимать буквально. Дело дошло до того, что возникают сомнения в том, что стоит в центре как раз западного христианства, в истинности рассказа о рождении Иисуса Христа, в возможности рождения ребенка Девой. Как будто Бог, сотворивший мир, не может Духом Святым сотворить одного ребенка. Как будто Господь, сотворив мир, оставил его внутри Им же сотворенных естественных законов, а не творит все время, хотя большей частью невидимо для нас, тогда, когда человек вступает во внутреннюю связь с Ним, когда открывает себя Христу.

Напротив, среди православных встречается тенденция видеть в Иисусе Христе только Бога, обращая мало внимания на человека. Если мы возьмем опять-таки Его рождение, то мне случилось слышать от православных, что Он не родился, как обычно рождается ребенок, а исшел каким-то чудесным образом. Но это снимало бы Его великий подвиг, который как раз заключается в том, что Он стал во всем нам равным, кроме греха, что Он родился так же, как рождается каждый

ребенок, что Он до воскресения чувствовал все телесные недуги, голод, жажду, боль. Если бы это было не так, то Его великая жертва на кресте была бы сведена на нет. Но Он действительно страдал, страдал самым естественным образом, а не символически, и Он знал, что будет страдать, и боялся этих страданий, как боялся бы их любой человек, прося, чтоб чаша сия прошла мимо Него, но отдался воле Божией, зная, что чаша сия мимо Него пройти не может. В этом и величие Его жертвы.

Иными словами, если вспомнить две древние ереси, возникшие уже на заре христианства, то на Западе мы видим скорее искушение арианства, а на Востоке искушение монофизизма. Мы подчеркиваем: искушение. И там, и там главенство Церкви этим ересям не поддавалось и отсекает от себя тех членов, которые явно в нее впали. Но и борьба с ересями затрудняется разделением Церкви. Была бы единая Церковь, как этого и хотел ее Основатель Иисус Христос, насколько легче было бы помогать друг другу, обогащать друг друга тем, что более развито на Западе, и тем, что более развито на Востоке, охранять друг друга от искушений, характерных для одной и характерных для другой стороны.

В день великого праздника воскресения Христова, в тот день, когда Он, воскреснув, провозгласил и нам будущее воскресение, но в то же время и Свой скорый уход с этой земли, в тот день, в который мы празднуем, с одной стороны, преодоление смерти, с другой же — впервые понимаем, что теперь мы, Его ученики, должны продолжать на земле дело Христова вплоть до Его второго пришествия, подумаем и о том, что нам, христианам, подобает быть всем едино. Попробуем обратиться друг к другу с любовью, вступить в беседу и попытаться преодолеть наши разногласия и споры.

Редакция.

Это обращение Б. Н. Ельцина было произнесено 5 декабря 1991 года. В наш декабрьский номер журнала оно уже не попало. Но мы считаем, что его не поздно опубликовать и в мартовском номере, поскольку мы не видели его в органах эмигрантской прессы.

Редакция.

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ГЛАВАМ КОНФЕССИЙ И ВЕРУЮЩИМ РОССИИ

Уважаемые главы конфессий!

Уважаемые верующие граждане Российской Федерации!

Сегодняшний день имеет особое значение в отечественной истории. Сердца миллионов наших православных соотечественников полны скорби. Ровно шестьдесят лет назад в столице России был уничтожен один из крупнейших в мире православных храмов —

храм Христа Спасителя, возведенный в честь победы народов нашего государства в Отечественной войне 1812 г.

Этот беспримерный акт вандализма был совершен в мирное время не иноземными захватчиками, а людьми, которые были ослеплены ложными идеями, возбуждающими ненависть ко всему доброму и святому.

Столб пыли, который поднялся над руина-

михрама, стал зловещим символом недопустимого пренебрежения к российским святыням, грубого попрания прав человека, чудовищного надругательства над чувствами верующих, причем не только православных. Политика духовного геноцида не щадила в одинаковой степени ни католиков, ни баптистов, ни мусульман, ни буддистов, ни иудеев, ни представителей других религиозных объединений. Воинствующий в полном смысле этого слова атеизм убивал веру у каждого человека, не разбирая, каких он придерживается убеждений и к какой нации он принадлежит. Но прошедшие десятилетия убедительно показали: духовное начало в человеке неистребимо.

Сегодня наша родина переживает мучительный период возрождения, мы начали подниматься из бездны, в которую падали многие десятилетия, вновь обретать память и веру. Наши взоры снова обращаются к святыням, созданным предшествующими поколениями. Печально, что многое утрачено безвозвратно, тем более важно сохранить и передать потомкам оставшееся, восстановить в людях уважение к богатейшему отечественному наследию.

Признателен верующим России за понимание важности и активное содействие этому. Признателен служителям Церкви и религиозных Объединений за то, что они несут людям свет человечности, нравственности и надежды.

Сейчас особенно ценны миротворческие

усилия, предпринимаемые религиозной общественностью. Мудрое слово, осененное верой и многовековым опытом врачевания души, имеет немалую силу. Оно способно потушить самый жестокий межнациональный пожар, предотвратить назревающий конфликт.

Ваше содействие особенно необходимо там, где людей разделила вражда и взаимная ненависть.

Рассчитываю, что вы поможете людям в наиболее трудное время болезненных реформ, поддержите их силы, укрепите дух. Особенно важна теперь помощь и содействие духовенства тем людям, которым приходится особенно трудно. У Церкви и религиозных объединений богатейшие традиции в этой воистину благотворительной деятельности.

Сейчас жизненно необходимо единение, чтобы умножить наши усилия в деле обновления России.

Как президент подтверждаю неизменное стремление российского руководства устранить последствия глубоко несправедливой политики многолетней коммунистической диктатуры по отношению к верующим, передать духовные святыни, храмы, обители тем, кому они по праву должны принадлежать.

Пусть этот печальный день будет отмечен, уважаемые сограждане, взаимной терпимостью, добрыми делами и помыслами.

Надеюсь, что при нашем принципиальном решении наши потомки в какой-либо форме восстановят память о храме Христа Спасителя.

В. ПИРОЖКОВА

СУДЬБОНОСНЫЙ ГОД РОССИИ

В последние дни прошедшего года наконец спущен с Кремля красный флаг с серпом и молотом и над Кремлем взвилось Российское трехцветное знамя. 74-летнее кровавое владычество этого кровавого знамени кончилось. Мы понимаем, что в самой России люди часто сбиты с толку, запутаны, нередко не знают, что им думать. Кроме того, их гнетут тяжелые материальные условия жизни. Хотя я получила недавно из Москвы письмо, где автор его писала, что впервые от меня получила пакет с адресом "Россия", и добавила, что для такого можно и поголодать. Мне же приходится повторять свое удивление, что в эмиграции, которой голодать не приходится и которая, казалось, жила тем, что ждала этого момента, не обнаруживается почти не только радости, но даже просто понимания того, что происходит у нас на родине. Большинство эмигрантских органов прессы заняты по-прежнему пережевыванием прошлого или пестованием своей идеологии. Насущные нужды России оставляют большинство из них равнодушными.

А в России идут изменения, трудные, но в своей направленности благотворные. Теперь, когда отпал, наконец, сдерживающий центр, реформы могут идти быстрее. Если вообще в условиях посткоммунистического времени можно отсчитывать президенту 100 дней, то для президента России их надо начинать считать не с 12 июня 1991 г., а с конца декабря этого года, т. е. пока еще не прошли даже эти 100 дней. Они пройдут, когда этот номер журнала выйдет в свет, но когда мы пишем эту статью, они еще не прошли.

Квартальный журнал не может угнаться за быстро сменяющимися событиями. Мы можем давать только общий обзор. Скажем несколько слов о только что прошедшем. Мы писали в нашей статье "На пути реформ" в № 63 нашего журнала, что было бы правильно в той или иной форме сохранить союз суверенных республик, не рвать экономических связей, сохранить общую армию. Однако горбачевский союзный договор в глазах многих сохранял слишком много центрист-

ских элементов. Тем не менее, ряд республик готовы были его подписать. Россия тоже его поддерживала. Но Украина заявила, что не подпишет союзного договора. Президент Ельцин много раз говорил, что без Украины договор будет выхолощен. Если Украина не подпишет, то договор и подписывать не стоит. После отказа Украины стало ясно, что надо искать какие-то иные формы содружества, чтобы избежать полного разъединения республик и их вражды между собой. Ельцин очень эластично нашел эту возможность — сначала в договоре трех славянских республик, а потом в Содружестве Независимых Государств, скрепленном в Алма-Ате. Это были действия человека государственного масштаба, позволившие сохранить некоторую общность в тот момент, когда развитие вполне могло пойти "югославским путем", т. е. вылиться в кровавую междоусобную войну.

К сожалению, Украина продолжает совершенно непонятным образом ставить палки в колеса сотрудничеству республик. Теперешнее украинское руководство ведет себя так, как могут вести себя только люди, полные комплексов неполноценности. Но зачем украинцам эти комплексы? Они — богатая природными ресурсами и культурная нация. К чему эти дерганья, это непереносимое желание сейчас, сразу же доказать свою независимость, свою самостоятельность? Никто на нее не посягает, а это судорожное стремление продемонстрировать ее всему миру заставляет лишь усомниться в том, действительно ли украинский народ внутренне самостоятелен. Не случайно поэтому Евгений Захаров, бывший доверенным лицом кандидата в президенты Чорновила, пишет о суициде украинского народа. Политику президента Кравчука, который не начинает никаких экономических реформ, а вместо этого старается обвинить "москалей" в трудностях жизни и отгораживается от России таможенными границами, Е. Захаров называет самоубийственной ("Русская Мысль" № 3914). Заметим мимоходом, что такую же самоубийственную политику ведет и Эстония, отгородившаяся таможенной стеной и высоким забором от своего балтийского соседа Латвии. Латыши называют этот забор "берлинской стеной", но лишь в шутку, т. к. преодолеть ее можно без малейшего риска жизнью, в ней есть не только дырки, но ее можно спокойно обойти, если не бояться мелкого ручья и грязной дороги. Но все эти "мудрые" мероприятия сделали то, что в Эстонии сейчас жизнь стала невыносимой, много хуже, чем в двух других балтийских государствах, а особенно в Литве, которая заключила в противоположность Эстонии торговые договоры с Россией, выгодные обеим странам. Национализм, ввергающий

собственный народ в самоизоляцию, вредит только самому этому народу. Президент Кравчук в противоположность российскому президенту Ельцину не покидал рядов КПСС вплоть до ликвидации этой партии как таковой. Больше того, в первый день августовского путча он колебался, не присоединиться ли к путчистам. Удивительно, что украинцы избрали именно его, а не, видимо, гораздо более достойного Вячеслава Чорновила. В уже упомянутой статье Захаров объясняет это так: "Кравчук — должник промышленных генералов, руководителей распределительной системы всех уровней, председателей колхозов, обеспечивших ему победу на выборах. Вся эта бывшая партийная, а теперь просто хозяйственная номенклатура только и мечтает о восстановлении прежнего привычного порядка. Поэтому противостояние тех, кто жаждет рыночных реформ, и тех, кто хочет вернуться к прошлому, неизбежно".

Остается надеяться, что найдутся разумные украинцы, которые встанут за реформы и за умеренную политику по отношению к Содружеству. Немецкий министр хозяйства Меллеман, побывав на Украине, тоже сказал, что Германия сможет помогать только в том случае, если на Украине начнутся хозяйственные реформы. Не заботясь о реформах, Кравчук зато озабочен созданием большой национальной армии и разрушает все возможности договориться об общей армии. На какие средства он будет содержать эту национальную армию, это пусть спросит у него украинский народ.

В 1954 г. Хрущев сделал пакость, отдав Крым Украине, с которой он ничем до того связан не был. Однако теперь подымать этот вопрос пока не стоит. Хасбулатов был не прав, подняв этот вопрос в Верховном Совете. Сейчас в России надо прилагать все усилия, чтобы продвинуть вперед экономические реформы.

Много повредил России за границей вице-президент Руцкой. Россия переняла президентальную демократию по типу США. Всенародно выбираются президент и вице-президент одновременно. Президент назначает министров, которые не могут быть смещены вотумом недоверия со стороны парламента. Сменять министров может только президент. Но в России нет еще никакой политической культуры. В США совершенно непредставимо, чтобы вице-президент стал перед лицом общественности нападать на своего президента и его правительство. Он может критиковать президента и его политику в разговорах с глазу на глаз, но перед общественностью он всегда поддерживает президента. Тем более непредставимо, чтобы вице-президент стал натравливать другие страны на свою собственную страну, как это сделал Руцкой, дав

интервью немецкому журналу низкого пошиба "Штерну". Фактически он настраивал немцев на то, чтобы отказать в помощи России и ее народу, переживающему трудное время, хотя он этого словами не говорил, но, черня невероятным образом все правительство, он как бы подсказывал иностранцам, что помогать стране с таким несостоятельным правительством не стоит. Между прочим, аналогичную роль играет значительная часть демократической прессы, которая находит мазохистское удовольствие в том, чтобы чернить первого демократически избранного президента и его правительство. В демократических странах с большим опытом и политической культурой пресса пишет сбалансированно, она дает положительное и критику, хвалит правительство за те или иные шаги — причем, конечно, разные газеты за разное — и за иные критикует. Повальное критиканство русской прессы — это все то же отсутствие политической культуры, которое, однако, в такое судьбоносное время может оказаться роковым.

В воскресенье, 9 февраля, прояснились немного фронты. Состоялось собрание, созданное и открытое лидером партии, называющей себя христианско-демократической, пригласившей, однако, представителей таких сил, которые ни христианскими, ни демократическими никак не могут считаться. Виктор Аксютин, открывавший собрание, пригласил даже Виктора Алксниса, который на другой день выкрикивал чисто советские лозунги перед демонстрантами под красными флагами, несшими портреты Ленина и Сталина. Неужели Виктор Аксютин хочет сотрудничать с этими силами? Видно, да. На собрание ворвались представители "Памяти", Васильеву дали слово. Страшно было смотреть на его искаженное злобой лицо. И на этом собрании выступал вице-президент Руцкой. Успеха он, кажется у собравшихся не имел, но скомпрометировал он себя весьма. Кстати, Руцкой не должен думать, что приобретает популярность на Западе своими неквалифицированными выпадами против всего, что делает правительство. Запад этого не понимает. Он не понимает отсутствия лояльности со стороны вице-президента по отношению к своему президенту. Мне многие говорили: "Какой опасный демагог этот вице-президент Руцкой. Как жаль, что он избран и президент Ельцин не может его попросту выгнать". Популярности Руцкой не приобретает, но стране своей и своему народу вредит. Не знаем, правильно ли было ему поручить контроль за сельскохозяйственными реформами. Сельскохозяйственные реформы — слишком важное дело для того, чтобы поручать контроль за ними честолюбцу, думающему, как кажется, только о своей личной карьере, да еще выступающему

против реформ. На одном из плакатов демократов было написано, что Руцкой — крашенный. Однако краска его начинает лупиться.

Виктор Аксютин пытается обозначить свое направление как "третью силу", но никакой третьей силы сейчас нет и не может быть. Сейчас самое главное — это поднять страну экономически на ноги. Аксютин же заявляет, что его первой целью является свалить правительство, проводящее в жизнь экономические реформы. Кстати, в президентской демократии нельзя свалить правительство вотумом недоверия. Значит, предполагается новый насильственный путч. Тогда союз с Виктором Алкснисом становится понятным. Но это — не третья сила. Эта все та же сила, которая маршировала под красными знаменами с портретами Ленина и Сталина. Эта та сила, о которой Ельцин сказал в Париже: "Мы уже чувствуем в затылке дыхание красно-коричневых сил".

Сейчас в России создан тот же союз, который в разных вариациях наблюдается и в других освободившихся от коммунизма странах: это союз национал-коммунистов с националистами и даже многими теми, кто называет себя монархистами. Может быть, я все еще слишком идеалистично смотрю на монархию, но мне трудно признать за многими из тех, которые называют себя теперь монархистами, это наименование. Их лексика почти ничем не отличается от таковой национал-коммунистов, и они хвалят те органы печати, которые высказываются против экономических реформ, т. к. они стоят на социалистической платформе. Создается снова трагическая антистолыпинская коалиция, если будет позволено так выразиться. В свое время Столыпин застал полукolleктивное общинное сельское хозяйство, которое уже не удовлетворяло запросам времени. Он начал благотворные реформы по переводу крестьян на хуторское хозяйство. Против него были левые, которые его и убили (как говорил мне еще во время войны очевидец, который в своей ранней молодости вращался в революционных кружках, революционеры говорили, что Столыпин отсрочит им революцию на 50 лет, Ленин писал, что на 20), но против Столыпина были и крайне правые, настраивавшие против него Государя.

Сейчас положение во сто крат хуже тогдашнего. Полностью коллективизированное хозяйство довело страну до полного нищенства. Но теперь начинаются — при бесконечно более трудном исходном положении — аналогичные реформы. В сельском хозяйстве реформой намерен путь от колхозов и совхозов к фермерскому, т. е. иными словами к хуторскому хозяйству. (См. "Указ Президента Российской Федерации "О неотложных

мерах" по "проведению аграрной реформы в Российской Федерации" от 27 декабря 1991 года, перепечатанный нами в этом номере нашего журнала из газеты "Сельская жизнь" от 4.1.1992 г. См. отдел "Информация". Ред.) Теперь реформы надо проводить и в области торговли, и в области промышленности, чего тогда не нужно было. И, повторяем, поэтому все во много, много раз труднее. И, к нашему ужасу, мы видим ту же коалицию против этих реформ. Левые, т. е. национал-коммунисты (по нашей терминологии — это левые), и правые, т. е. те, кого можно назвать национал-монархистами и имперцами, вновь объединились против экономических реформ, на этот раз — на платформе социализма. У тех, кто называет себя монархистами и присоединяется к этой коалиции, которую мы бы назвали, как я уже упоминала, антистолыпинской, лозунг, аналогичный таковому у младороссов. Тогда — "царь и советы", теперь же — "царь и социализм". Многие монархисты этого не произносят, но, солидаризуясь с национал-коммунистами, солидаризуясь с журналами, стоящими на социалистической платформе, они фактически присоединяются к этому лозунгу. Повторяем, мы все еще надеемся, что где-то есть настоящие монархисты, которые не хотят иметь ничего общего с национал-коммунистами и с социализмом, хотя у них нет пока голоса, нет органа прессы. Кстати, великий князь Владимир Кириллович относится к "настоящим монархистам", если можно самого претендента на престол назвать "монархистом". Но куда скатились его бывшие последователи?

Западные наблюдатели считают, что Ельцину не хватает своей организованной партии. Все демократические президенты и главы правительств опираются на свои партии, председателями которых они зачастую являются. Так, к примеру, канцлер Коль является председателем Христианско-демократического союза, партии, которая не имеет в Бундестаге абсолютного большинства, но является все же самой сильной партией. У Ельцина нет своей партии. Объединение "Демократическая Россия" неоднородно. И, как уже отмечалось, у этого объединения нет опыта, нет самодисциплины и политической культуры. Многие путают демократию с анархией и демагогией. Конечно, люди устали от диктатуры, и многим хочется "по своей глупой волюшке пожить", как выражался Достоевский, но это желание не следует путать с демократией. Демократия — это как раз тот строй, который требует наибольшей самодисциплины населения. Еще Герцен, наблюдая демократическую Англию, с ужасом восклицал: "Неужели свободное государственное устройство возможно только в народе с внутренней

несвободой!" Герцен путал самодисциплину с внутренней несвободой. Его очень задело слова французского герцога, сказавшего ему: "Вы, русские, или рабы, или анархисты, из чего следует, что вы еще долго не будете свободными". Еще вчера поработанные коммунистической диктатурой, многие сегодня превращаются в анархистов. По меньшей мере, интеллигенции следует задуматься о том, что анархия всегда приводит к новой тирании. Мне самой приходится получать из России наивные письма, над которыми не знаешь, плакать или смеяться. Каждый из авторов или группа авторов считает только себя антикоммунистами, только себя демократами и связывает это со вполне определенными собственными представлениями о конкретных мероприятиях. А затем следует жалоба: "Президент не принимает наших претензий". И даже в голову не приходит, что этот человек или эта группа одна из тысяч, которые предъявляют президенту свои претензии, а президент один и если б он попробовал удовлетворять всем претензиям, причем зачастую прямо противоположным, то он именно тогда не заслуживал бы права стоять во главе государства и правительства. И здесь проявляется полное непонимание сущности демократии. Как написал один немецкий обозреватель, когда Ельцин олицетворял протест против коммунистической диктатуры, его несла волна сочувствия, а когда он стал у власти, у него стали требовать чуда. Но чудотворцем не может быть никто. Приходится снова — в который раз — напомнить, что такое демократия. Она — не панацея от всякого зла, она — не рецепт для чуда, она всего лишь наиболее подходящая к ментальности европейских народов нашего времени попытка справиться с насущными проблемами государства. Избиратели голосуют за того человека или ту партию, которые, по мнению данного избирателя, лучше других кандидатов. "Лучше", это не значит, что данный человек или данная партия совершенны. Они тоже имеют свои недостатки. В зрелых демократиях это хорошо знают, но вот, по моему мнению, этот человек или эта партия лучше других, имеет более правильную программу и т. д. После избрания следует предоставить этому человеку или этой партии возможность стараться провести свою программу в жизнь в течение межвыборного периода, помогать правительству, критиковать лишь по-деловому — с целью исправить тот или иной, по моему мнению, ошибочный шаг, а не просто с целью огульно очернить или сорвать злобу. Ну, а если тот или иной избиратель придет к концу данного периода (именно к концу!) к выводу, что человек или партия, за которых он голосовал, совсем не выполнили ожидав-

шегося от них, то следует голосовать за другого кандидата, за другую партию.

В июне 1991 г. был избран поистине лучший кандидат. Кого же надо было выбрать? Рыжкова? Может быть, Жириновского? Недавно было с ним интервью по немецкому телевидению. Он прямо заявил немцам: "Мы вашу Германию оккупируем в течение нескольких дней. У вас большая армия, но у нас есть ядерное оружие", — и добавил с хищным вожделием: "Только бы мне добраться до этого черного ящика с кнопкой!" Страшно было слушать эти слова и оставалось только молить Бога, чтобы он никогда не добрался до этого черного ящика с кнопкой. Затем он, однако, сделал великодушное лицо и заявил, что он не пойдет завоевывать Германию. "У нас нет *Drang nach Westen*", — сказал он. Но немцы, по его мнению, должны помочь России в ее завоеваниях на юге, иначе им будет плохо. Вот ему пишут даже иные пруссаки в этом духе. Какие завоевания и на каком юге, он не уточнил. Немецкий журналист сказал после интервью: "Неужели эту несчастную страну ожидает еще это испытание?"

Во главе России стоит сейчас президент и правительство, ставшие на путь коренных реформ. Они делают и будут делать отдельные ошибки, тем более что на их пути лежат огромные трудности. Этот путь можно в том или другом пункте поправлять, но другого пути к оздоровлению России нет. Не существует никакой третьей силы. На смену реформаторам могут прийти только те, кто демонстрировал 9 февраля под красным флагом, с портретами Ленина и Сталина. Будем надеяться, что демократическая интеллигенция это наконец поймет и будет поддерживать реформаторов.

Осталась еще привычка требовать всего от государства. Вот в "Русской Мысли" № 3914 Графова сетует на государство, что оно мало помогает русским переселенцам из других республик. Под конец она тоном упрека государству пишет, что в некоторых случаях справились и без государства, российские предприниматели пожертвовали миллион рублей, купили участок земли и строят своими силами новое поселение. Но вот это-то как раз и прекрасно! Это-то и нужно! Нужна **личная инициатива**, и вовсе не потому, что государство якобы недостаточно заботится (оно не в состоянии заботиться обо всех), а потому, что путь личной инициативы — это и есть правильный путь. Либеральный взгляд на государство был таков, что оно должно быть лишь ночным сторожем, обеспечивающим гражданам возможность проявлять личную инициативу во всех делах. Мы знаем, что нигде теперь не господствует это понятие в чистом виде. И на Западе государство все

в большей степени перенимало социальные функции, а вместе с ними и финансовый контроль над гражданами в виде все растущих налогов. В некоторых странах, как например в Швеции, это развитие дошло уже до абсурда. Но и в других западных странах встает вопрос, не берет ли государство на себя слишком много и не начинает ли оно ограничивать личную инициативу граждан.

В России государство десятками лет полностью удушало личную инициативу. Теперь она снова возможна, и надо ею как можно шире пользоваться. И не вопреки государству, не с горьким упреком ему, а с благодарностью, что личная инициатива возможна. Налоги еще слишком велики, личная инициатива еще не везде пробивается. Так вот надо бороться за снижение налогов, за широкую возможность личной инициативы, а не предъявлять требования к государству, чтобы оно снова все взяло в свои руки и тем самым неизбежно снова ограничило личную инициативу.

В апреле Съезд народных депутатов снова попробует взять барьер принятия новой конституции, которую он не принял в ноябре, но которая для России насущно необходима. Мы надеемся, что на этот раз будет принята более или менее хорошая конституция. Думаем, что в ней не следует фиксировать предельного возраста кандидата в президенты. На Западе нигде этого нет. В послевоенной Германии не было бы благодатных для страны 14 лет канцлерства Аденауэра, если б в ней ограничивался возраст правителя (в Германии президент лишь представительствует: управляет канцлер). Аденауэр был 73 года, когда он стал канцлером. И Буш выставляет свою кандидатуру еще раз, несмотря на свои 67 лет.

Этот год будет для России судьбоносным. Если она этот год выдержит и реформы начнут понемногу менять жизнь к лучшему, то самый опасный период будет пройден.

Не надо только прислушиваться к таким нытикам, как Лидия Графова ("Русская Мысль" № 3916). Ей кажется, что защита свободы в августе прошлого года была уже сто лет тому назад, а теперь она свободу защищать не хочет. Видимо, приелась. Она была в ужасе, что демократы хотят устраивать демонстрацию против коммунистов, а пост фактум утверждает, что на коммунистической демонстрации было много больше участников, хотя даже по телевидению было ясно видно, насколько больше было защитников свободы, демократии, реформ, президента и правительства. Но Графовой, видимо, хочется, чтобы их было меньше, "надоело", — восклицает она. Что же надоело ей за полгода? Трудная и медленная работа по восстановлению России? Конечно, упорный и незаметный

труд надоедает всем, кто хватается по верхам. Но, к счастью, есть в России достаточно людей, которым не надоело. Лозунги демо-

кратов были очень хорошие. И мы верим в Россию.

20 февраля 1992 г.

P.S. Мы решили сделать это небольшое примечание, касающееся биографии Б. Н. Ельцина, т. к. мы постоянно натываемся как в среде русских, так и в среде иностранцев на мнение, что Ельцин в 1987 г. был снят с занимаемых им тогда постов. Но на самом деле он ушел сам. В сентябре 1987 г. он написал Горбачеву письмо, в котором просил освободить его от должности кандидата в Политбюро ЦК КПСС (став секретарем компартии Москвы, он стал автоматически кандидатом в Политбюро). И вот с этого поста он сам хотел уйти. Он, правда, в этом письме написал, что Московская компартия решит, останется ли он ее секретарем. Полностью с руководящими кругами партии он еще не рвал. Но представление, что московская ячейка может сама решить, останется ли он ее секретарем, было достаточно наивно для человека, хотя и не прошедшего типичной карьеры функционера (до 30 лет был беспартийным специалистом, потом хотя и партийным, но не функционером, а руководителем строительства и только потом был призван в руководящие круги с производства), но все же достаточно долго варившегося в партийном котле.

Горбачев, видимо, хотел отложить решение вопроса об уходе Ельцина на время после ноябрьских праздников и, когда он на пленуме 21 октября вызвал Ельцина, чтобы тот выступил, он, видимо, не ожидал, что Ельцин подтвердит свой уход, соединив его с критикой партии. Кроме того, Ельцин не читал с листа, а говорил свободно, что тоже было совершенно необычно. Биограф Ельцина Джон Моррисон пишет: "Это был момент, когда заколебались "священные" правила и ритуалы политической элиты Советского Союза. Старая "культура" Кремля начала ломаться. Первый раз за десятилетия монолит начал содрогаться, и его сотрясение послало далеко во все стороны шоковые волны" (John Morrison "Boris Yeltsin". New York, 1991).

Впервые человек ушел сам с высокого поста функционера, лишаясь тем самым всех соответствующих привилегий, дачи, лимузинов. Это был настоящий "скандал в благородном семействе". Все тогда нападали на Ельцина, в том числе и столь любимый на Западе Шеварднадзе. Они не сговаривались, они не знали, что Ельцин скажет такие "ужасные" вещи, но чувство самосохранения побудило их к тому, чтобы говорить в общем то, что надо было, то, чего от них ожидали. Конечно, Ельцин потерял и пост секретаря Московской КП. Но вряд ли он в то время еще хотел его сохранить.

Позже он писал, что, приехав в Москву, он еще думал, что что-то можно поправить внутри системы, если взяточников заменить более честными сотрудниками. И только в Москве он окончательно понял, что сама система порочна. Можно сказать, что поздно понял, но существенным является то, что понял и начал соответственно действовать. Как известно, Ельцин вышел из рядов КПСС 10 июля 1990 г.

Мы считаем правильным перепечатать последнюю часть статьи Доры Штурман "А если на этот раз не мираж?", где очень ясно высказано то, что мы также хотели выразить в своей статье. Перепечатываем из "Русской Мысли" № 3913.

...Сказки и притчи раскрывают ущербность абсолютного доверия к аналогии, хотя последняя и бывает удобным инструментом частичного познания. Мы все помним с детства:

Пастушонок несколько раз пугал деревню криками, что на стадо овец напали волки. Люди сбегались и убеждались в обмане. Когда волки действительно пришли, никто не отозвался на крик.

Путника в пустыне несколько раз обманул мираж. В конце концов человек перестал верить своим глазам и умер от жажды в нескольких сотнях метров от оазиса, который не был на этот раз миражом.

Ивана-дурачка научили во время уборки снопов кричать: "таскать вам — не перетаскать". Он стал кричать так и на похоронах — его побили.

Во всех трех случаях солгал предыдущий

опыт. А не менее часто он не лжет. Неловко повторять такие банальности, но ни сугубо конкретное, ни сугубо обобщающее мышление не адекватны многомерности бытия. Хороший, полезный инструмент познания, аналогия — ключ не универсальный, не абсолютный, как все ключи. Почему-то в политике мы редко об этом помним.

Почти столетие прогрессистская гуманистическая интеллигенция мира была загипнотизирована социалистической и интернационалистической фразеологией большевиков, не веря свидетельствам их жертв и противников и в упор не видя происходящего. И только ли мира? Безвестный поэт моего поколения писал о своей юности:

Легко ли детям было верить,
Что их прозрения не лгут, —

Что государством правят звери
И правды взрослые бегут?
Все наши мысли были данью
Той долгой гибельной борьбе,
Когда искали оправдания
Ему и вам, а не себе!

Да что поэты безвестные! Разве лгал и
говорил о себе только Пастернак, тщась

Хотеть, в отличие от хлыща,
В его существование кратком
Труда со всеми сообща
И заодно с правопорядком, —

или когда сокрушался:

И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною
клеткой,
И с тем, что всякой косности
косней?
Напрасно в дни великого Совета
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста!

И стрелялись, и вешались, чтобы опасная
вакансия опустела... А патриоты-государственники и неославянофилы просвещенной
первой эмиграции не соблазнились разве
державной фразеологией сталинцев и не шли
на убийственные для них приманки? И
сегодня не возник ли в России, среди
многих прочих движений, противоестественный
политико-идеологический симбиоз, который
недавно одним из российских историков
был назван "православно-великодержавно-коммунистическим Союзом имени Parteigenosse
Полозкова" (последнее — имя — широко
заменяемо)? И все эти роковые соучастия
заставляют — по аналогии! — сопротивляться
вовлечению себя в новое государственное
сотрудничество. Но как раз тогда, когда это
сотрудничество может стать спасительным.

Положение нынешних российских реформаторов объективно гораздо сложнее положения
Александра II и Столыпина. Тогда от народа
и общества потребовалось бы куда меньше
терпения, чем потребуется теперь, чтобы — в
самом счастливом случае — пережить тяготы
реформ и войти в фазу поступательно улучшающей
жизнь эволюции. Но в первых двух случаях интеллигенция, за редчайшими исключениями, и не пыталась
объяснить это себе, народу и обществу. Она либо звала к
топору, либо иронизировала, критиковала и осуждала,
сеяла недоверие, отстранялась и замыкалась в своем
обособленном бытии. В конце концов она реформаторов убила. Все

это — из благороднейших побуждений.

Ее недостатки, конечно же, росли из ее достоинств: свободолюбия, правдолюбия, сострадательности. Она жаждала вождей без изъянов и политики безупречной. Самый ее максимализм рос из неприятия зла, но кому от этого легче? Ретроград, висящий у реформатора на правой руке, заботящийся только о кресле и шкуре, по крайней мере, не ведает, что творит: ему нечем ведать о том; интеллигенту, если он не чистый "образованец", есть чем. Если Ельцин и его единомышленники окажутся (а я предполагаю, что окажутся) истинными реформаторами, им предстоит не просто законодательно устранить сдерживающие развитие анахронические установления, а поднять из руин искалеченную, вырожденную, вдрызг разбитую, остановленную в своем естественном развитии жизнь, вернуть ее из тупика на некий небезнадежный путь. Еще никто не выполнял столь сложной задачи в подобных условиях: обстоятельства Восточной Европы все-таки легче, и то...

Горбачев к выходу из тупика не шел и не вел. Он шесть с половиной лет варьировал марксистско-ленинскую риторику, привычно-бездумно обещая постепенно превратить кошмарное настоящее в светлое будущее. Ельцин, а не Горбачев (за их именами стоят, разумеется, не они одни), исключил из официального политического обихода России понятия социализма и коммунизма. Ельцин, а не Горбачев снял, и не ради политической конъюнктуры дня, а вполне сознательно и обдуманно, с флаштокта Кремля красный флаг СССР. За долгие страшные десятилетия Ельцин — первый российский руководитель с мировоззрением, имеющим нравственную основу. Не Горбачев, а Ельцин идет спокойно и сдержанно, на компромиссы во всех тех случаях, когда при этом не изменяет своей главной цели: не дать очаговым периферийным гражданским войнам превратиться в войну тотальную, идущую на всей территории бывшего СССР, возродить в Российской Федерации нормальную жизнь, втянуть в эту жизнь окружающие народы, не нарушая их прав.

Горбачев лавировал и шел на уступки (обычно — охранителям, а не реформаторам), не имея общественно, исторически ценной цели и программы. Ни разу с 1985 по 1991 год он так и не сказал вразумительно, что во что он намерен перестроить (я повторяю это с тех пор, как пишу о нем, — с 1988 года). Его виражи были сугубо выживательными — для него лично, для его политического статуса. Укрепить, очистить от "извращений" социализм, раскрыть его "неисчерпаемые объективные возможности", "возродить и демократизировать КПСС" — это для мало-мальски здравомыслящего политика не цель уже с

1950-х гг. Это либо циничная ложь, либо полное невосприятие реальности, но человек, сделавший такую карьеру, как Горбачев, нечутким по отношению к действительности быть не может. Значит, просто его интересы лежали в плоскости не той реальности, в которую он вытолкнул сам себя нерасчетливо объявленной им "перестройкой". Аппарат, карьера, продвижение, власть, орвелловское фантомное бытие — это он знал, в этом он жил. Когда вдруг забурилась жизнь, им же отчасти раскрепощенная, он потерял направление. Отрешиться от прошлого и зажечь реальностью он, в отличие от Ельцина, не сумел.

Компромисс целенаправленный — это шаг назад и два шага вперед. Или остановка — и шаг вперед. У Горбачева 1988—1991 гг. соотношение политических телодвижений было (пользуясь советской фразеологией) совершенно иным: шаг "влево" — два шага "вправо". Впрочем, его движения были хаотичней вышеозначенных: временами он просто метался, не зная куда безопасней выскользнуть. Все это можно показать документально, но не в статье, а в книге.

Боюсь ошибиться, однако мне видится у властного и самоуверенного Кравчука (Украина) такая же хаотическая непредсказуемость в поведении, ибо и он, как Горбачев, меняет позиции под давлением извне (со стороны мощного лобби украинских "самостійників". Его личная цель идентична горбачевской: во что бы то ни стало уцелеть на своем посту. Точно так же он вел себя в бытность свою чиновным коммунистом, но тогда днєви довели другие силы. Поэтому он — то один из трех основных учредителей Содружества (по убеждениям — скорее центрист, чем сепаратист), то главный камень преткновения на пути его, Содружества, стабилизации. Все — не цель, а средство, кроме личных политических амбиций, а в условиях чрезвычайных — и выживания. Единого преобладающего настроения на Украине нет. Толкования понятия "независимость" — различными регионами и силами взаимно противоречивы. Лавирование между ними в поисках более прочной опоры для себя лично вряд ли окажется для Кравчука плодотворнее, чем было для Горбачева.

Ельцин же давно (хотя и не изначально слит с определенной лично-надличной задачей и направлением, которое ее разделяет, т. е. с устойчивым кругом людей. Компромиссы, на которые он идет, — лишь обходные маневры на пути к решению этой задачи. Возможному или невозможному — зависит, конечно же, не только от него, но и от поистине тяжких обстоятельств и запутаннейших отношений внутри и вокруг России. Он представляет себе, в чем выход из тупика, и

видит общее направление дороги к выходу. Он хочет для России и всей бывшей подсоветской Евразии естественного, органичного, ненасильственного единства и, надеюсь, в этом не одинок. Кто знает, что ему удастся, что нет. Но он взвалил на свои плечи груз ответственности за конкретные шаги в нужном направлении, и это намного труднее, чем представлять себе траекторию **в принципе, в целом**. Эти практические шаги по разнообразно и непредсказуемо пересеченной местности сложнее всего. Когда наступает решающий момент, Ельцин берет инициативу на себя, а не ищет очередного альянса, на членов которого можно переложить ответственность при неблагоприятном повороте событий. В своих коалициях он — либо ведущий, либо равный среди равных, либо способный и благодарный ученик. Он не двуличен — достоинство, в политике крайне редкое. Если ждать с решением проблемы нельзя, а завязана она гордиевым узлом, Ельцин склонен разрубить узел, а не тянуть то за одну, то за другую нить, затягивая его все туже.

Горбачев разрушал систему, как было уже сказано, против своей воли, непреднамеренно, и потому ничего не создавал взамен. Ельцин отказался от социализма не сразу, но сознательно и полностью, а потому прочно связал свою судьбу с теми, кто давно ищет практические подходы к принципиально иной социально-экономической системе. Он отказался от безнадежной защиты унитарного Союза (эта защита и ломала все связи, даже необходимые), но именно поэтому ищет новые формы объединения. Таков этот человек, и не его личные качества мешают ему сейчас, а уникальная тяжесть обстоятельств и недостаток доверия сограждан.

Интеллигенция десятилетиями не закрывала кредита доверия "твердым" большевикам, годами — шаткому большевику Горбачеву. По-видимому, на Ельцине (с которым она делила груз оппозиции) ее терпение исчерпалось, что она, в значительной части своей, и демонстрирует всенародно. К тому же у нее нет уверенности, что Ельцин победит. Но разве долг совести — это менее важный стимул для занятия определенной позиции, чем гарантия победы? Поддержка мыслящей части общества, симпатии mass-media — чрезвычайно весомые факторы в судьбе государственного человека и его программы. Если, конечно, программа есть. После трех четвертей века безоглядного и жесточайшего утопизма — она есть. Выполнить ее трудно. Зато ничего нет легче, чем превратить выдающегося современника в фигуру трагическую. И "дети разных народов" за тысячелетия очень в этом поднаторели. Так, может быть, братья-интеллигенты, "зааналогизируем" Ельцина не

с большевиками, на которых мы так основательно обожглись, а, например, с нами же когда-то отвергнутым и заново открытым нам Столыпиным? Думаю, Ельцин, при всей безупречности (до 1987 года) его партийной анкеты и вполне простонародном происхождении, и сам ощущает в себе сегодня больше общего с этим царским министром и аристократом, чем с коммунистами и их

союзниками разных мастей. Может быть, станем рядом с небезнадежным, по меньшей мере, правительством (в России давно их не было, а теперь — есть), подопрем его плечом и словом и попытаемся не кричать на похоронах Утопии: "Таскать вам — не перетаскать"?..

Дора ШТУРМАН

Иерусалим

Д. ШТУРМАН

НЕСКОЛЬКО ВЗГЛЯДОВ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Фрагмент исследования "О вождах российского коммунизма"

П. А. Столыпин десятилетиями ассоциировался в сознании советского (да и досоветского в его радикально-прогрессистской части) образованного слоя с понятием самодержавной правой реакции. Солженицын первым пробил брешь в этом стереотипе и противопоставил Столыпина обоим экстремистским краям, но сначала не столько реабилитировал (в глазах советского образованного слоя) Столыпина, сколько скомпрометировал себя. Но и в этом случае, как во многих других, он лишь оказался намного впереди неизбежного поворота серьезных историков и экономистов к тому же источнику. Ведущие русские экономисты-агроарии разделили сельскохозяйственно-устроительные идеи и реформы Столыпина уже в 1910-х годах¹. В начале 1990-х гг. Столыпина пытаются присвоить себе разные сражающиеся группировки, в то время как он принадлежал и принадлежит своей родине как Целому, за здоровье которого он боролся. От Ленина Столыпина заметно отличали ответственность и честность теоретического мышления и одновременно — ясность практических представлений, реализм перспектив. Нам возразят: если перспектива не реализовалась, значит она не была реалистической. Ответим: жизнь отнюдь не так прямолинейна и одномерна, как формальная логика. Стечение обстоятельств оказалось таким, что Россия, вся совокупно, от трона до батрацкой хижины, выбрала те или иные химеры и миражи, а не траекторию наименьшего зла, тогда вполне еще ей доступную. Столыпин предвидел возможность такого разворота событий и предсказал его последствия. Перспектива отставки по воле царя, отчужденность думского и общественного центра, ненависть слева и справа, пуля тщеславного авантюриста — такова доля пророка в своем отечестве.

Помню, в начале 1970-х годов меня потрясла своей прозорливостью и актуальностью губернаторские отчеты Столыпина (Саратов, 1904). Сегодня потрясает куда больше его знаменитая речь в Думе, предшествовав-

шая третьеиюньскому ее роспуску и изменению избирательного закона (10 мая 1907 года).

В этой речи были Столыпиным внимательно разобраны аграрные программы эсеров и кадетов. Тут же была предложена и в очередной раз обоснована аграрная программа правительства, то есть самого Столыпина. Знаменитые заключительные слова этой речи: "Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!" — относились ко всем сторонникам моментального и "окончательного решения" коренного вопроса российской жизни — вопроса аграрного, которые противостояли Столыпину. Трудно найти более яркое и роковое воплощение такого "решателя", чем Ленин, и более выразительную ему антитезу, чем Столыпин. Приведу несколько прозорливых отрывков из его речи, восемь десятков лет искажаемой взаимно полярными толкователями².

Речь П. А. Столыпина
(10-го мая 1907 года)

"Господа члены Государственной Думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же, до окончания прений, сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предложениях самого правительства. Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомствам в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не заслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле,

самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым болезненным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей, спокойных и довольных, — вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту. Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть, я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь стать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, — бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ. Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступали здесь, прежде всего, господа: Караваев, Церетелли, Волк-Карачаевский и др. Я не буду оспаривать тех, весьма спорных, по-моему, цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России. Встревоженное этим, правительство уже начало принимать ряд мер поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях, он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного класса — интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей, бюрократической основой и на развалинах государ-

ственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом именно корне существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложений левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного образованного класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах — что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом, разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя, на местах? На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю, без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего, вместе с имеющимися ныне — по 147 дес. на двор, в Олонецкой — по 185, а Архангельской — даже по 1309, в 14-ти губерниях не достало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12-ти губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь 7-я часть частновладельческих земель расположена в десяти губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, т. е. не только 107.000 дворян, но и 490.000 крестьян, купивших себе землю, и 85.000 мещан, а эти два последние разряда владеют до 17.000.000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, т. е. к переселению; придется

отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за десятилетний период в 50 губерниях Европейской России. Россия, господа, не вымирает, прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1.000 человек 15.1 в год. Таким образом, это даст на одну Европейскую Россию, всего на 50 губерний, 1.625.000 душ естественного прироста в год или, считая семью в 5 человек, 341.000 семей; так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 десятин на один двор, потребно было бы ежегодно три с половиной миллиона десятин. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель, земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, — все это распространится на всю Россию. Всё и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, — иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, была бы наложена плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределялась бы между гражданами и отчуждалась бы у одних и передавалась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, — что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, да, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, — этого никто не стал бы делать. Вообще, стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоеет, бросит ее и пойти опять бродить по белу-свету. Всё будет сравнено, — приравнять всех можно только к низшему уровню. Нельзя человека ленивого приравнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного

приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень понизится. Добрый хозяин, хозяин-изобретатель — самую силу вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле. Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный — силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которую стояло и нравственное право. Ведь раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств, и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе. Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России. А эта перекроенная и уравненная Россия — что — стала бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же передела всей земли государство, в своем целом, не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но, при росте населения, они скоро обратятся в пыль и эта распыленная земля будет высыпаться в города массы обнищавшего пролетариата. Но, положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены, — кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целостности России. Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины — для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там — смерть”.

Но Россия пошла именно тем путем, который Столыпин силился считать исключенным. И то, с чем ее спасатели имеют дело сегодня (начало 1990-х гг.), есть не что иное, как предсказанная Столыпиным катастрофа.

Затем Столыпин переходит к анализу менее радикальной аграрной программы кадетов:

“Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии

народной свободы. Проект этот не обнимает задачи в таком большом объеме, как предыдущий проект, задающийся увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако, я должен сказать, что и в этом проекте для меня не всё понятно, что и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен, поэтому, придти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано. Он признал за крестьянством право неизменного, постоянного пользования земель, но вместе с тем, для расширения его владений, он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев и вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, т. е. принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, — надо знать, к чему поведет это в конечном выводе, — это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 году, у владельца, скажем, трех тысяч десятин будет отнято две тысячи пятисот и за ним останется пятисот десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения, он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль, ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет, по нашим понятиям, культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен, по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы, на соседнюю помещичью землю. Мне кажется ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изымается из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены.

...Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь —

это путь насилия. Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин-простолюдин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных воцелений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает. Правительство должно учитывать два явления. С одной стороны, несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных, законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и обязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему; но наряду с этим существует и другое — существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем, чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того, чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы. Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: "Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять". Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я об них и упоминаю, письма, вызвавшие и смущение, и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, в виду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой.

...Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел не дозволит, — иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного разрушения.

...Насилия допущены не будут. Национализация земли представляется правительству гибельною для страны, а проект партии народной свободы, т. е. полуэкспроприация, полунационализация, — в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий. Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднать крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там, конечно, и просвещение,

там и настоящая свобода.

Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, т. е. деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, и на льготных условиях. Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, необходимо иметь запас в 57 миллионов десятин земли. Опять-таки говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 миллионов десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный Фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: "Это надо бросить". По мнению правительства, бросать ничего не нужно; начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше — мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма и частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в "царство, разделившееся на ся". В настоящее время государство у нас хворает: самой большой, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130.000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю Тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава? Господа, нельзя укреплять больное тело, питая его вырезанными из него самыми кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и

тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать всё государство, все части государства должны придти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны придти на помощь слабейшей его части, может напомнить принцип социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю. В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд; при массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы; из этого фонда получили бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования; но так как в настоящее время крестьянство оскудело и ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы определен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями; вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов. Таким образом, вышло бы, что всё государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей: чиновники, купцы, лица свободных профессий и те же крестьяне, и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса в 130.000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры.

...Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, — то, хотя круг

предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет. При рассмотрении вопроса в его полноте, может быть и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении. Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед; средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создает еще класс разоренных в конец землевладельцев. Обязательное отчуждение, действительно, может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ныне ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах. Для улучшения способов пользования ими земель оно представляется возможным тогда, когда необходимо, при переходе к лучшему способу хозяйства, устроить водопой, устроить выгон, устроить дороги, накопец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предполагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций.

Вам нужны великие потрясения, нам нужна ВЕЛИКАЯ РОССИЯ!"³

К несчастью, воспаленное "призраком коммунизма" воображение Ленина оказалось действительной выверенной созидательной мысли Столыпина.

Борющийся одновременно с крайними охранителями и радикалами, Столыпин считал главной угрозой будущему России эсеров. Социал-демократы и тем более их большевистская фракция возникают в его речах редко. Программа эсеров представляется ему самой опасной для благополучия государства, потому что она, вопреки своей (для него —

очевидной) социальной порочности, особенно соблазнительна для крестьянских масс. В одной из наиболее актуальных сегодня (1991!) своих думских речей, 5 декабря 1908 года Столыпин говорит:

"Многих смущает, господа, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева и справа. Но левые в данном случае идут против принципов разумной и настоящей свободы. Неужели не ясно, что кабала общины и гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу. (Возгласы справа и из центра: "браво!") Нельзя, господа, возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. (Возгласы "браво!") Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. (Возгласы "браво!") Рукоплескания справа и из центра.)

И насколько, господа, нужен для переустройства нашего Царства, переустройства его на крепких монархических устоях — крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, — видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: "Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции". Затем дальше: "С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями". Поэтому сторонники семейной собственности и справа и слева, по мне, глубоко ошибаются.

Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи. Поэтому, все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к

тому, чтобы поднять производительные силы источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил, необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия". (Продолжительные рукоплескания справа и центра.)⁴

Значит ли это, что Столыпин ошибся, видя главных и наиболее опасных разрушителей государственных устоев не в большевиках, а в эсерах? Нисколько: большевики были бы заведомо обречены на провал, если бы Ленин не сделал в решающие часы II съезда Советов вида, что его партия полностью принимает аграрную программу левых эсеров. Не хуже, чем Столыпин, он понимал, что только она может шатнуть на какое-то время на его сторону основную массу крестьян. И не хуже, чем эсеры, он понимал, что успешное проведение аграрной реформы Столыпина сорвет революцию.

Столыпин, по свидетельству его дочери, говорил о войне:

"Пока я у власти, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы не допустить России до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление. Не можем мы меряться с внешним врагом, пока не уничтожены злейшие внутренние враги величия России эс-эры. — Пока же не будет полностью проведена аграрная реформа, они будут иметь силу, пока же они существуют, они никогда не упустят ни одного удобного случая для уничтожения могущества нашей Родины, а чем же могут быть созданы более благоприятные условия для смуты, чем войной?"⁵.

Ленин громыхал в 1914—1916 гг.:

"Неверен лозунг "мира" — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну. (Это превращение может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести *по линии* именно *такого* превращения, в духе и направлении его.) Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди "штатских"), ведущая к превращению войны в гражданскую войну... лозунг должен быть: гражданская война.

Объективно — из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны...

...Мы не можем стоять за *лозунг* мира, ибо считаем его архипутаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят теперь одной рукой быть "за мир", чтобы выпутаться) и тормозящим

революционную борьбу...

...И ясно, что "разоружение", как лозунг тактики, есть оппортунизм. Захолустный притом, воняет маленьким государством, отстраненностью от борьбы, убожеством взгляда: "моя хата с краю"..."⁶

"Мы должны кое-что сделать: выработать программу революции, — разоблачить идиотский и лицемерный лозунг мира, обличать, опровергать его, — говорить с рабочими начистоту, — чтобы сказать *правду* (без подлого дипломатничанья авторитетов II Интернационала). А правда такова: или поддерживать начинающееся революционное брожение и содействовать ему (для этого нужен лозунг революции, гражданской войны, нелегальная организация etc.) или заглушать его (для этого нужен лозунг мира, "осуждение" "аннексий", быть может и разоружение etc.)..."⁷

Столыпин глубоко продумал и то, кого следует поддержать, кому надо помочь в деревне (остальные пусть остаются в общине или уходят в город, на заработки). Он говорил тогда же, 5 декабря 1908 года, в Думе, о сельчане, неспособных успешно работать на земле:

"Нельзя создавать общий закон ради исключительного уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного — для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предидущий оратор граф Бобринский? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развивать институт опеки за расточительность, который в настоящее время наш Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. Но главное, что необходимо, это — когда мы пишем закон для всей страны — иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. (Рукоплескания центра и правых.)

...Правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон 9-го ноября 1906 года: оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3.200.000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. (Рукоплескания центра и правых.)"⁸

А на кого ставит Ленин? Припомним:

"Возьмем вопрос о земле: земля объявлена

народным достоянием, и все виды собственности уничтожаются. Этим сделан великий шаг к уничтожению эксплуатации.

Здесь разгорится борьба между богатыми и трудящимися крестьянами, и надо помочь бедноте не книжкой, а опытом, собственной борьбой. Мы не для того отняли землю у помещиков, чтобы она досталась богатым и кулакам, а бедноте. Это вызовет симпатии и сочувствие к вам со стороны бедного крестьянства.

Необходимо позаботиться и о том, чтобы земледельческие орудия и машины не были в руках кулаков и богатеев. Они должны принадлежать Советской власти и временно отданы на пользование трудящимся массам, через волостные комитеты. И сами они должны следить за тем, чтобы эти машины не служили средством обогащения кулаков, а ими пользовались бы только для обработки своей земли.

И против одного богатея, который будет протягивать свою жадную лапу к народному добру, надо противопоставить десять трудящихся.

...Доходы Советов равняются 8 миллиардам, а расходы — 28 миллиардам. Конечно, при таком положении вещей мы с вами провалимся, если не сумеем вытащить эту телегу государственную, которую царская власть погрузила в болото.

Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав нагребленное в сундуки, спокойно думает: "Ничего, — мы отсидимся". Народ должен вытащить этого "хапалу" и заставить его вернуть нагребленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить, — полиция убита и похоронена, — сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними."⁹

И еще:

"Революционные отряды, при всяком со-

ставлении протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее 6 человек, обязательно выбираемых из находящегося в ближайшем соседстве беднейшего населения".¹⁰

Ленин ставит на оторванного от обычных своих занятий изголодавшегося рабочего и на сельского люмпена. В условиях завершенных преобразований Столыпина бедняк, у которого душа не лежит к земле, превратился бы в рабочего или другого работника по найму в селе или в городе. Ленин же превратил пролетария в грабителя, а сельского люмпена — в его опору. И грабили-то оба не (как им думалось) для себя, а для большевистской власти.

Столыпин твердо и четко знал, для чего нужен России мир. У Ленина и после победы не было четкой программы действий, кроме удержания власти любой ценой. Какую четкость может иметь утопия? Не случайно же и 17 января 1923 года, *в самом конце своего пути*, Ленин лихо цитирует Наполеона:

"Помнится, Наполеон писал: 'On s'engage, et puis... on voit'".

В вольном русском переводе это значит: "Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет". Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это несомненно детали), как Брестский мир, или НЭП и т. п."¹¹

Жизнь и смерть миллионов людей — "с точки зрения мировой истории" — лишь детали развития... развития чего? "Мы все глядим в Наполеоны: двуногих тварей миллионы для нас орудие одно"... Не дословно ли? Остается лишь потрясаться тому, с какой прозорливостью и Пушкиным, и Достоевским предсказана интерпретация некоего мирового характера, с такой угрожающей грандиозностью развернувшегося в России XX века в фигуре Ленина.

Д. Штурман

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. хотя бы книгу Б. Д. Бруцкуса "Аграрный вопрос и аграрная политика", изд. "Право" (серия "Экономика", вып. IV), Петроград, 1922; его же — "О природе русского аграрного кризиса" в книге "Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта", изд. "Поиски", Париж, 1988.

² Цит. по книге М. П. Бок "П. А. Столыпин", изд. "Либерти", Нью-Йорк, 1990; стр. 234—240.

³ Там же, стр. 240—248.

⁴ Там же, стр. 291—292.

⁵ Там же, стр. 299—300.

⁶ Ленин В. И., ПСС, т. 49, стр. 12—15, 39, 43—45. Письма А. Шляпникову (док. № 14), А. Коллонтай (док. № 39 и 41).

⁷ Ленин В. И., ПСС, т. 49, стр. 83—84. Письмо Д. Вайнкопу (док. № 77).

⁸ Цит. по книге М. П. Бок "П. А. Столыпин"; стр. 290—291.

⁹ Ленин В. И., ПСС, т. 35, стр. 326—327.

¹⁰ Там же, стр. 313.

¹¹ Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 381. Письма Суханову "О нашей революции". Жирный шрифт Д. Ш.

В. ПИРОЖКОВА

АРХИВЫ ШТАЗИ

В восточной Германии, бывшей ГДР, комиссия, которая была назначена для приведения в порядок архивов Штази (Staatssicherheitsdienste, государственная безопасность), открыла эти архивы для жертв Штази. Каждый может подать заявление, и ему назначат день, когда он может прийти и полистать в своем досье. Директор этого архива Гаук предупреждал, что люди со слабыми душами пусть лучше не заглядывают в свое досье: они могут узнать, что сексотами были члены их семей или близкие друзья, которым они вполне доверяли. Кстати, только сам человек может читать свое досье, и от него зависит, расскажет ли он общественности о том, что прочел.

Некоторые рассказали. Так известная диссидентка Вера Волленбергер узнала, что ее муж Кнуд 10 лет доносил на нее в Штази. Она об этом 10 лет не догадывалась.

Мужественный лютеранский пастор Эггерт, часто протестовавший прежде — сейчас он министр внутренних дел в Тюрингии, — узнал, что лечивший его врач, которому он полностью доверял, по требованию Штази прописывал ему таблетки, которые должны были расшатать его психику. И у него не возникло недоверия. Бог спас его, он как раз тогда поехал в другое место и переменял врача. Эггерт сказал, что его досье составляет 1200 страниц, он узнал, что минимум половину своего времени он посвящал беседам с агентами Штази, которые приходили к нему под видом ищущих духовного наставления и совета. "Горько думать, — сказал Эггерт, — как много я отнял драгоценного времени от тех, кто действительно нуждался в совете и утешении". Но пути Божии неисповедимы, скажем мы. Не исключено, что тот или другой агент после беседы с пастором задумался и что эта беседа была толчком к его, может быть, гораздо позднему обращению.

Мы не знаем.

С другой стороны, много документов было вовремя уничтожено. Так, нет никаких актов о другом лютеранском пасторе, теперь министре-президенте Бранленбурга, социал-демократе Штольпе. Штольпе шел иным путем, чем Эггерт, Штольпе старался подыгрывать властям якобы для того, чтобы помочь своей церкви и отдельным людям. Эта его роль в глазах многих весьма спорна. Его обвиняют в том, что он докладывал Штази о своей церкви и о западных политиках, с которыми встречался. Он это опровергает, но проверить ничего нельзя, ни в его пользу, ни против него.

Германия еще долго будет перерабатывать наследство коммунистической диктатуры и Штази. А что следует делать России? Мы уж не говорим о том, что аналогичный архив обнародовать пока в России просто технически невозможно. В восточной части Германии живет 17 миллионов. Большая часть общего народа жила все эти десятилетия нормальной жизнью. Она может помочь и помогает специалистами, опытными политиками и чиновниками. В одной России, не говоря о других республиках, в десять раз больше жителей и нет 60 миллионов соотечественников, которые развивались десятилетиями нормально. Но если б такой архив можно было сделать в сравнительно короткое время технически, то следовало ли бы его открывать хотя бы так, как он открыт в Германии, т. е. дать разрешение каждому гражданину заглянуть в свое досье? Повторим еще раз: в Германии это меньше четверти всего народа. В России — это весь народ. Мы не решаемся сказать, что было бы правильным. Пусть решают те, кто все эти десятилетия жил там, хотя мы совсем не уверены, что они лучше и правильнее смогут оценить обстановку. Кто это может?

Д. ФЕДОСЕЕВ

Печатается в порядке дискуссии

ПЕЧАЛЬНАЯ ОШИБКА ПОЛЬШИ И ДРУГИХ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

Фундаментальное свойство социализма есть низкая и падающая производительность общества по причине невозможности использовать огромные творческие силы миллионов и миллионов граждан, не имеющих права на собственные решения и не имеющих собственных средств труда, так как все принадлежит государству. В такой системе правители имеют власть решать, но не могут знать миллиарды конкретных обстоятельств жизни своих граждан. Миллионы же граждан, ко-

нечно, хорошо знают свои нужды и проблемы, но не имеют власти и самих возможностей разрешать самим эти свои проблемы. Такая система делает труд бессмысленным и обрекает население на материальное и духовное обнищание: мало производится, много портится без толку, меньше имеешь того, что потребить, хуже живешь. Неестественная система все время стремится саморазваливаться и требует огромного аппарата насилия для своего поддержания. В конечном итоге

и насилие перестает помогать. Приходится обратиться за помощью к населению ("гласность"). Это вынужденное действие резко усилило саморазвал. Население перестало повиноваться системе и разваливает систему окончательно. Если до этого жить было плохо, то окончательный развал системы все чрезвычайно усугубил и привел к массовым материальным и духовным страданиям населения. Система социализма довела страну до катастрофы и сама оказалась при последнем издыхании.

Спрашивается, что подсказывает логика для выхода из катастрофы? НЕМЕДЛЕННО ликвидировать социализм и заменить его высокопроизводительной системой, которая ВВОДИТ В ДЕЙСТВИЕ ОГРОМНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ, СОЗИДАТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ. КАЖДОГО ОТДЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА. Только освобождение огромной энергии населения, ранее не допускавшей к действию, позволит и легче и быстрее, без излишних страданий выйти из катастрофы. К сожалению, "ИДЕАЛЫ" социалистической, марксистско-ленинской власти НАД НАРОДОМ, а НЕ ВЛАСТИ НАРОДА (демократии) все еще очень сильны. Считается, что сам народ ленив, эгоистичен и глуп. Жить без твердой власти НАД НИМ не может. Эта ситуация очень ясно и рельефно выявилась в Польше и в СССР, хотя и в остальных социалистических странах она вполне аналогична.

В Польше решили (как и в СССР), что без помощи Запада не обойтись. Обратились в Международный Валютный Фонд (МВФ) за кредитами. МВФ потребовал ввести в Польше политику монетаризма: освободить цены от государственного контроля (дать им возможность подскочить "до небес"), поднять высоко проценты за кредит, чтобы недостатком кредита придушить экономику, увеличить тем безработицу и тем увеличить желание населения трудиться по дешевке, сдержав этим дальнейший рост цен. (Для верности, при росте цен заморозили и зарплаты.) А чтобы Польша платила в валюте проценты за кредит и возвращала займы. МВФ потребовал развить экспорт (по дешевке), лишая население и того малого, что есть.

МВФ нельзя отказать в здравом смысле: рекомендация дает возможность МВФ получить обратно деньги с высокими процентами и заработать. Рекомендация МВФ обоснована и экономической теорией, применяемой самим Западом: увеличивая безработицу, уменьшают рост дороговизны рабсилы. Это сдерживает рост цен (инфляцию), так как зарплата полностью (вместе с налогами) входит в цены.

Подтверждая здравый смысл у МВФ, однако, приходится удивляться отсутствию здра-

вого смысла у экономистов и правителей Польши (и СССР). Ведь экономика в Польше (и в СССР) и без того полностью развалена социализмом. Намеренно удушать ее монетаризмом и еще более снижая и без того низкий уровень жизни населения, противоречит всякому здравому смыслу. Действительно, результат немедленно сказался, и производство в Польше сократилось на 40% (!!!), а производство ширпотреба и продуктов питания сократилось и еще больше. (Польские данные из парижской "Русской Мысли" от 9.11.90.) Население получило сомнительное удовольствие видеть полные полки в магазинах и на рынках и не иметь возможности что-либо купить. Спрос на товары и услуги резко сократился. Предприятия стали закрываться, и более миллиона поляков потеряли работу и средства жизни. Безработица подскочила до 5%, а кое-где и до 15%. Ростовщические 36% за кредит задушили самых активных первых предпринимателей. К этому добавилось действие введенных в Польше (и в СССР) удушающих любое предпринимательство налогов и враждебных частному предпринимательству многословных, изобилующих двусмысленностями и оговорками законов. Иначе говоря, сделано было все, чтобы, вопреки здравому смыслу, задушить не только все новые творческие силы в населении, но и все те, что уже существовали.

В Польше (и в СССР) как-то не осознали, что главная крепость социализма есть государственная собственность на тяжелую промышленность. Это еще Ленин неоднократно и правильно подчеркивал. Действительно, без продукции тяжелой промышленности (сырья, химикалий, материалов, инструмента, машин, топлива, энергии, бумаги и т. д.) невозможно произвести ни пищи, ни зданий, ни ширпотреба. Невозможна работа сельского хозяйства, транспорта, газет, телевидения и т. д. Частное на 80% сельское хозяйство в Польше было задушено польской государственной тяжелой промышленностью, высокими ценами на ее продукцию (удобрения, тракторы, топливо, электроэнергию и т. д.), низким качеством этой продукции и непредсказуемостью поставок. ДЕЗОРГАНИЗАЦИЮ народного хозяйства государственной тяжелой промышленностью трудно переоценить. Сохранение тяжелой промышленности в собственности государства, под его контролем, сохранит и основную неэффективную социалистическую структуру аппарата управления хозяйством: министерства, главки, объединения, Госплан и т. д. Сохранит монополизм, гигантизм и связанные с ними транспортные проблемы. Так, поляки (как и в СССР) сохранили за государством свою тяжелую промышленность и обеспечили себе социалистическое удушение и дальше.

Не думайте, что на этом все польские (и советские) благоглупости закончились. Нет. Запад потребовал привести государственные бюджет и финансы в порядок, сбалансировать расходы с доходами, и правители с жаром за это взялись. Естественно, что ликвидация государственных субсидий, доплат, льгот, пособий и т. п. для уменьшения дефицита бюджета и еще много добавила к бедам населения и к невозможности развить предпринимательство населения. Главное, что совершенно бесполезно: только здоровая, т. е. высокопроизводительная экономика может обеспечить здоровье государственных финансов. Пока экономика развалена, привести государственные финансы в порядок абсолютно невозможно. Это аксиома.

Получила ли Польша в обмен на эти (ненужные) жертвы СООТВЕТСТВУЮЩУЮ помощь от Запада и достаточные вложения валюты в народное хозяйство Польши? Нет. И это опять свидетельствует о здравом смысле финансистов Запада. Нельзя вкладывать деньги в разваленную экономику и в нестабильную политически, социально и экономически систему без риска их безвозвратно потерять.

Есть поговорка: если Бог хочет кого-то наказать, он лишает его ума. Бог, как видно, наказал Польшу (и СССР, который делает то же самое) и лишил их всякого здравого смысла.

Между тем, здравый смысл и элементарная логика требуют прямо противоположных мер для подъема народного хозяйства из социалистической бездны. Главная мера состоит в превращении миллионов и миллионов граждан в собственников средств производства, в хозяев-предпринимателей, работающих и в одиночку и с наемной рабочей силой. В передаче всей ТЯЖЕЛОЙ и, тем более, легкой промышленности, торговли, транспорта в собственность их работников за символическую плату. (Чтобы не стимулировать пренебрежение этим имуществом.) Ведь все в стране создано населением, а не правителями или государством, и принадлежит ему по праву. Так же нужно поступить с жилищами и производственными помещениями и конторами. Земля должна быть также за символическую плату передана гражданам в пожизненное и наследственное владение для постройки жилищ и других зданий, для любого сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого использования. С правом продажи всего на земле, что является продуктом труда (т. е. ПУСТУЮ территорию, созданную Богом, продавать нельзя). При продаже право на владение должно автоматически передаваться покупателю. Думаю, что прежние собственники должны быть уравнены в этом со всеми.

Нужно ввести в действие ясные, краткие, без оговорок и двусмысленностей законы, возвращающие населению право на любую частную собственность, на свободу торговли, на свободу любой человеческой деятельности и предпринимательства в одиночку или с наемной рабочей силой.

Нужно ликвидировать все "прямые" налоги, т. е. налоги на людей и их организации, а все средства, необходимые государству, получать, взимая только ("косвенные") налоги на продаваемые товары и услуги. Все налоги без какого-либо исключения, в любом случае, все равно входят в цены товаров и услуг. Эта мера не изменит цены и не изменит доходы государства, но резко, психологически, стимулирует предпринимательство и труд.

Нужно наконец, НЕ СТЕСНЯЯСЬ ИНФЛЯЦИЕЙ И ДЕФИЦИТОМ БЮДЖЕТА, обеспечить БЫСТРЫМ И ДЕШЕВЫМ КРЕДИТОМ любых предпринимателей и фермеров.

ЧТОБЫ ОБЕЗВРЕДИТЬ ИНФЛЯЦИЮ ДЛЯ БЕДНЫХ ГРАЖДАН, ИНДЕКСИРОВАТЬ ИХ ЗАРПЛАТЫ, ПЕНСИИ, ПОСОБИЯ И Т. Д., т. е. автоматически повышать их в соответствии с инфляцией, обеспечивая сохранение у этих людей прежнего уровня жизни. (Нужно иметь в виду, что цены (и зарплаты) являются лишь средствами распределения "ПИРОГА", т. е. национального продукта, среди населения. ИНФЛЯЦИЯ, САМА ПО СЕБЕ, НЕ УМЕНЬШАЕТ (и не увеличивает) ПИРОГ. Если СООТНОШЕНИЕ доходов разных слоев населения сохранится, сохранится ПРЕЖНЕЙ и их доля пирога. Инфляция, к сожалению, всегда перераспределяет пирог так, что социально слабые бедняки получают меньше кусок пирога, так как не имеют силы сами повышать свои доходы в соответствии с инфляцией. Индексация это исправит.) Возможно, что следует сохранить и некоторый контроль цен (субсидии) на предметы самого насущного потребления, скажем, на хлеб и картошку. Индексация доходов ТОЛЬКО бедных слоев населения, кстати, ИЗЫМЕТ ЛИШНИЕ ДЕНЬГИ У БОЛЕЕ БОГАТЫХ.

Все эти меры резко увеличат инфляцию (обезвредив ее для бедняков), но вовлекут в производство материальных и духовных ценностей все активное население. Кто не умел, научится. Кто не хотел, возжелает, видя многочисленные примеры. Даже благополучие поднажившихся несправедливо лишь добавится к общему благополучию возрождающейся Польши. Пирог начнет быстро расти, появится конкуренция, цены начнут снижаться. Миллионы частных предпринимателей расплодятся и не допустят массовой безработицы. Миллионы предпринимателей, считая СОБСТВЕННЫЕ денежки, не допустят повышения зарплат без повышения произво-

длительности труда и поставят надежный барьер инфляции. Оздоровление экономики приведет к оздоровлению и государственных финансов: исчезнет дефицит бюджета, казна государства наполнится (налогами на товары и услуги), инфляционные дензнаки можно будет легко заменить. Подъем производительности общества сделает польские деньги не менее твердой валютой, чем любая западная.

Теперь следует ознакомиться с происходящим на Западе и убедиться, что западные рецепты и на Западе ведут к беде. Вот факты.

1. Дефицит государственного бюджета США в 1990–1991 отчетном году достигнет 400 миллиардов долларов, т. е. 1600 долларов на душу населения. Смотрите, например, стр. 31 американского журнала, *International Business Week* от 5.11.90. Если перевести по реальному ("черному") курсу, 0,05 доллара за рубль, в рубли, то получится 8 ТЫСЯЧ МИЛЛИАРДОВ рублей и 32 000 рублей на душу. Советский или польский дефицит есть совершеннейшая мелочь.

2. Государственный долг США (смотрите, например, уже указанный выше источник) достиг 3 тысяч миллиардов долларов или около 40 ТЫСЯЧ долларов на каждого трудящегося. Если перевести на рубли по реальному курсу, этот долг составит 60 тысяч миллиардов рублей или около 800 ТЫСЯЧ рублей на каждого трудящегося. Американские долги и дефицит бюджета и в Польше и в СССР разве что только присниться могут, да и то только в страшном кошмаре.

Спрашивается, почему же такое страшное расстройство государственных финансов в США не приводит США к полной катастрофе? Ответ простой. На экономику работает все население США, и ЭТО поддерживает ее на плаву. Иначе говоря, достаточное здоровье экономики компенсирует полное расстройство государственных финансов. Государство, являющееся банкротом, — само себе, а народное хозяйство — само себе. (Народное хозяйство США ведь государству не принадлежит, как при социализме.)

Почему же Запад пугает Польшу расстройством финансов? Потому что оно делает риск вложений Запада в Польшу слишком большим. Потому что американцы уже не одно десятилетие тчатся привести государственные финансы в порядок и не могут. Может быть Польша им поможет?

Newsweek от 7.11.89 сообщает, что долги американских КОРПОРАЦИЙ достигли к 1989 году колоссальной цифры в 1,7 ТЫСЯЧИ МИЛЛИАРДОВ долларов. По данным журнала *World Press Review* от 10.90, суммарный долг страны (государства, корпораций, частных граждан) составил более 10 ТЫСЯЧ МИЛЛИАРДОВ долларов. Только огромная

предпринимательская производственная мощь населения (несмотря на 7 миллионов безработных и многие миллионы, живущие на соцобеспечении) поддерживает экономику США на все еще очень высоком уровне. Это показывает, что и Польша и СССР, запустив в действие свое население, могли бы в короткий срок создать себе процветание.

А вот насчет инфляции. Американский журнал, *US News & World Reports* от 21.2.83, сообщает: покупательная способность 1 доллара сократилась к 1930 году до 50 центов 1900 года (1 доллар состоит из 100 центов), т. е. уменьшилась в два раза. В 1960 году она уже стала равна 28 центам 1900 года, а к 1982 году сократилась до 9 центов 1900 года. Иначе говоря, совершился такой подъем цен (инфляция), что за 1 доллар 1982 года можно было купить только то, что стоило в 1900 году всего 9 центов. Инфляция в США в последующие годы составляла, в среднем, что-то около 4% в год, т. е. съела к 1990 году еще около 30%, обесценив 1 доллар до 6 центов 1900 года. Тот факт, что английский 1 фунт стерлингов стоил лет 50 тому назад 5 долларов, а сейчас стоит только 1,7 доллара, означает, что инфляция в Англии была значительно сильнее, чем в США. Между тем, экономика и США, и Англии находится в несравненно лучшем состоянии, чем у социализма. Урок из этого такой: нужно немедленно вовлечь все население, включая и прежнюю номенклатуру, в предпринимательский созидательный труд, идя даже на резкое увеличение инфляции, государственных долгов и дефицита бюджета.

4. А вот журнал *Newsweek* от 23.9.85 озаглавил статью: "Монетаристы бегут, отступают". Оказалось, что политика монетаризма и на Западе не действует. В Англии, например, после повышения цены кредита до 15% (ростовщичество!) инфляция даже повысилась до 10,9%. Английский журнал *The Economist*, являющийся мировым авторитетом в экономике Запада, сообщает в номере от 3.11.90. (стр. 112 и 113) следующее. Теории таких знаменитых современных экономистов, как Hicks, Hansen, Samuelson, Tobin, подправленные знаменитыми другими экономистами, как Friedman, Phelps, Lucas, Sargent, оказались несостоятельными. Они не смогли объяснить факт, что безработица перестала уничтожать инфляцию и появилась уже в семидесятых годах СТАГФЛЯЦИЯ, т. е. одновременно и высокая безработица, и инфляция, а экономика задвигалась к упадку. Поиски приемлемой новой теории, сообщает тот же журнал, пока безуспешны.

Так почему же экономисты Запада и МВФ потребовали от Польши (и СССР) ввести политику монетаризма? Лекарство с точки зрения здравого смысла экономически абсурд-

ное. (Вроде рвотного и клизмы для истощенного человека.) Видимо, потому, что западные экономисты не спешили признать банкротство своих теорий. Опрос студентов, работающих над докторской диссертацией по экономике, показал, например, (смотрите там же), что для своего успеха 50% из них считают довольно важным не столько знать экономику, сколько иметь связи с выдающимися профессорами. Иначе говоря, студенты, видимо, уже почувствовали бессилие экономической науки.

Между тем, сопоставление социализма и капитализма может вполне объяснить и СТАГФЛЯЦИЮ. Капитализм есть система господства корпораций, т. е. акционерных компаний, управляемых финансовым капиталом, деньгами. (Капитализму всего около 300 лет, а частная собственность и конкурентный рынок существовали тысячи лет до капитализма. Поэтому СИСТЕМА МАССОВОГО ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, УПРАВЛЯЕМАЯ НЕ ДЕНЬГАМИ БАНКОВ И ГОСУДАРСТВА, А УПРАВЛЯЕМАЯ КОНКУРЕНТНЫМ РЫНКОМ, ВСЕГДА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ КАПИТАЛИЗМОМ.) Менеджеры капитализма и корпораций являются наемными служащими, т. е. трудящимися. Корпорации капитализма являются НЕ ЧАСТНОЙ, А КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ АКЦИОНЕРОВ, т. е. социализм и капитализм — родственники. Разница между номенклатурой СССР или Польши и западными менеджерами в том, что западные корпорации все же меньше по размеру, чем гигантская корпорация СССР или Польши. Сходство же в том, что и номенклатура, и менеджеры западных корпораций распоряжаются ЧУЖИМ имуществом и ЧУЖИМИ деньгами, не неся ПО ЗАКОНУ никакой собственной имущественной или денежной ответственности за дела, им порученные: отвечают за это "хозяева", т. е. акционеры. И номенклатура, и западные менеджеры и, вообще, все наемные трудящиеся во всем мире и в истории заинтересованы больше всего в своих зарплатах и привилегиях и в "непыльной" работе. Поэтому и советские или польские директоры предприятий и западные менеджеры охотно идут наговор со своими подчиненными, чтобы обмануть закон или хозяев, т. е. государство или акционеров, и совместно поживиться за чужой счет. Председатели (менеджеры) американских корпораций назначают себе гигантские зарплаты. Лет десять тому назад 2 миллиона долларов в год было рекордом. В 1988 году рекорд уже составил 34 миллиона. В 1989 году рекорд достиг 54 миллионов. Смотрите, например, International Business Week от 7.5.90. Куда там инфляции угнаться за такими заработками.

Кроме того, за счет корпораций для менеджеров существуют и бесплатные ши-

карные автомобили с шоферами. Бесплатные путешествия ("по делам") по всем курортам мира и часто с женами и чадами. Бесплатные шикарные гостиницы, бесплатные шикарные рестораны и шоу, бесплатные или субсидируемые шикарные особняки. На Западе создано огромное хозяйство, специализированное на шикарном обслуживании корпораций и их менеджеров, полностью недоступном по ценам рядовому населению. Это, как бы, особое государство менеджеров в государстве, паразитирующее на его рядовом населении. (Попробуйте продать корпорации частникам, и произойдет страшная катастрофа: огромная часть народного хозяйства обанкротится и рухнет, так как исчезнут щедрые (за чужой счет) их потребители. Запад находится в плену у коллективной собственности, которая, конечно, много лучше государственной по производительности, но не выдерживает сравнения с наиболее высокопроизводительной частной собственностью. (Учтите, что западные экономисты валят в одну кучу любую НЕГОСУДАРСТВЕННУЮ собственность, называя ее частной.)

Распоряжение чужим имуществом и деньгами в корпорациях есть прямой источник коррупции, расхищения, взяточничества, кумовства и блата в неменьших масштабах, чем в СССР или в Польше. Оно также вызывает страшную бюрократию и безответственность корпораций, уступающую только слегка советской. Пресса Запада каждый день переполнена судебными скандалами в связи со злоупотреблениями менеджеров корпораций всех рангов. На Бирже, одном из главных полей деятельности менеджеров корпораций, происходит страшнейшая спекуляция и махинации, герои которой "зарабатывают" иногда пару миллиардов долларов в несколько удачных дней.

Все эти деньги, попадающие в руки менеджеров, включая несоответствующие продуктивности повышенные зарплаты остальных работников корпораций, обязательно полностью войдут в цену НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА, ПИРОГА, т. е. в цены товаров и услуг. Корпорации являются мощным генератором инфляции. Между тем, на заработки менеджеров корпораций (в том числе и банков) безработица рядовых трудящихся не распространяется. Следовательно, большая часть инфляции, ими создаваемая, монетаризмом не управляется. Их доходы, практически, не зависят и от их производительности. ПИРОГ, например, в США или в Англии в 1989 году даже уменьшился, а рекорды доходов менеджеров за один год возросли с 34 до 54 миллионов долларов. Что удивляться неуправляемости инфляции на Западе. Инфляция создана господством коллективной формы собственности, корпораций, и сокращени-

ем удельного веса частной собственности. Без ликвидации корпораций инфляцию не ликвидировать.

Единственный верный экономический рецепт против инфляции, безработицы и расстройств государственных финансов — расплодить миллионы и миллионы частных, одиночек и с наемной рабсилой. Они полностью ликвидируют застойную безработицу и они будут тщательно считать СВОИ денежки и не дадут ни одному своему работнику (или себе) таких сумасшедших зарплат. Они будут вынуждены повышать зарплаты только в соответствии с ростом производительности труда, т. е. в соответствии с ростом ПИРОГА. Они являются превосходным лекарством против инфляции. Они наполнят и государственную казну налогами на товары и услуги. Нужно только не истреблять их враждебными законами, прямыми налогами, дорогим кредитом, монополизмом и гигантизмом корпораций. И СССР и Польша имеют время

исправить свою абсурдную экономическую программу.

Следует иметь в виду, что КАПИТАЛИЗМ ЗАПАДА НЕ ЕСТЬ КОНЕЧНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. Понижающиеся эффективность и прибыльность корпораций ВЫНУЖДАЮТ КАПИТАЛИЗМ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАТЬ К НОВОМУ, НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ, которое будет иметь еще более высокую продуктивность, чем капитализм, и меньше его недостатков. Безусловно, это общество будет свободой частной предпринимательской деятельности всего населения с автоматическим управлением через конкурентный свободный рынок. Это будет истинная демократия, а не идеологическая, партийная фальшь "многопартийности и свободных выборов".

Примечание: стагфляция состоит из слов стагнация и инфляция. Стагфляция означает застой, в данном случае, экономический, сопровождающийся застойной безработицей.

В. РУДИНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖУРНАЛИСТА Р. Б. ГУЛЬ

Теперь все чаще слышишь, что нужна бы история зарубежной прессы. Ну, в целом, это поистине "труд несовершенный", как выразился по другому поводу Веневитинов, сказавший:

Природа — книга не по нас.

Ее листы необозримы

И мелок шрифт для наших глаз.

Что до меня, о периодической печати русского Зарубежья до Второй мировой войны я толковать не берусь (хотя и изучил внимательно все, что мог, в первые годы как попал во Францию). Это скорее дело тех, кто и до того жил на Западе.

Вот после Второй мировой... Но и то, такая тема для меня слишком обширна. Однако, о тех журналах и газетах, где я сотрудничал, и о людях, с ними связанных рассказать, — это, пожалуй, в моих силах. А их было немало.

Выйдя в Париже на свободу из лагеря для перемещенных лиц на улице Леру (очень было любопытное заведение, о котором стоило бы поговорить отдельно), я в одно из первых же воскресений отправился в русскую церковь на улице Дарю.

И встретил там, вовсе неожиданно, полковника Левитова, некогда командира корниловского полка; с ним я был знаком по Берлину, где мы работали в одном и том же учреждении.

Он дал мне свой адрес и предложил как-нибудь зайти. Тогда у русских эмигрантов оно так водилось; это гораздо позже устано-

вилось правило, что без предварительного условия о дне и часе в гости ходить неловко.

Придя примерно через неделю вечером, я застал у него пирушку, где собрались старые товарищи по Белому Движению, мужчины и дамы. Принимать участие в их беседе, сводившейся главным образом к воспоминаниям о прошлом, мне было трудно; так что я больше молчал.

Среди них однако находился писатель Р. Б. Гуль, которого я заинтересовал (мы, новые эмигранты, были тогда для старых экзотикой), и который передал мне несколько дней спустя, через Левитова, посетившего меня в общежитии на улице Шато де Рантье, где я в то время обитал, приглашение к себе в гости.

Гуль, как читатель увидит, сыграл важную роль в моей жизни: через него я познакомился с Мельгуновым и потом с Ефимовским, в печатных органах которых и начал свою зарубежную журналистическую карьеру.

Гулю было лет 50 (мне тогда казалось, что это очень много). Плотный, среднего роста, гладко выбритый и совершенно лысый, он мне запомнился всегда в движении; не сидящим за столом, а ходящим по комнате или на улице при встречах. Занимал он квартиру в одну комнату с кухней в большом здании на улице Лекурб, на третьем или четвертом этаже.

По убеждениям он являлся в тот момент социал-демократом и активно сотрудничал в

американском "Социалистическом Вестнике". Журнал этот, к чести одного будь сказано, стоял тогда твердо на антикоммунистических позициях. По этому поводу острили, что его с одобрением читают в Париже генералы и архиереи; что по прежним традициям представлялось немыслимым.

Антикоммунистически настроен был и Гуль; на чем мы с ним вполне и сошлись. Он и его жена приняли меня радушно и гостеприимно, усадили обедать; а поговорить было о чем.

Врезалось мне в память, как курьез, что я при одном из первых визитов процитировал ему частушку, которую незадолго до того где-то услышал или прочел:

Что гитара, что нам бубен!

Мы на пузе играть будем.

Пузо лопнет — наплевать:

Под рубахой не видеть.

Ему так понравилось, что он стал бегать из угла в угол, громко повторяя эти строки, пока жена с некоторым испугом не выглянула из кухни с вопросом:

— Рома, Рома, что с тобой?

Беседы с Гулем были занимательны, хотя я не слишком соглашался с его точкой зрения. Позднее, когда он начал давать мне "Социалистический Вестник", я убедился, что он обычно просто излагал своими словами передовицу оттуда.

Из наших разговоров запомнился мне его вопрос:

— Скажите, с какого момента вы разочаровались в советской власти?

— Да не было такого момента, — ответил я, — я ее ненавидел с раннего детства, и очарован ею не был никогда.

— Ну, тогда вы не типичны, — с разочарованием промолвил он.

— Почему же не типичен? — подумал я, — так же точно, вероятно, большинство народа в России чувствует и мыслит, да сказать вслух не может!

Но дискутировать об этом я не стал. Я уже понимал, что у первой эмиграции налицо о нас свои предубеждения и иллюзии, которые трудно, да и не стоит колебать.

Тот же вопрос возник, когда Роман Борисович одолжил мне во французском переводе роман А. Кестлера "Le zéro et l'infini" (по-русски теперь известный под заглавием "Слепящая тьма"), от которого я остался в восхищении. По поводу этой книги, он высказал мне критику, что в ней сидящей в соседней камере с главным персонажем, Рубашевым, заключенный представлен еще совсем молодым по возрасту, а по взглядам — монархистом. Такое де в советской России наших дней невозможно. Гуль даже процитировал мне, — опять же из "Социалистического Вестника", — фразу о том, что: "Плуг

революции пашет глубоко!"

— А как же я-то, например, Роман Борисович? — возразил я ему.

Что я монархист, я от него не скрывал, с самого начала.

Он промолчал. Судя по лицу, он считал, что ничего подобного не должно и не может быть.

Тут много неожиданностей ему предстояло. Он в тот момент получал от русских из Америки (где благосостояние их далеко превосходило таковое эмиграции в разоренной Европе) кое-какие продукты и вещи на предмет помощи нашей второй волне (которая в том, понятно, остро нуждалась). Пользуясь тем, что я встречал многих из наших, и они мне доверяли, я стал к нему приводить людей, одного за другим, мужчин и женщин, из очень разной среды, разного возраста и из разных мест в России. Он мог убедиться воочию, что все они настроены резко антисоветски и антикоммунистически, а о социализме, ни в какой форме, и слышать не желают.

Мне даже хотелось отыскать кого-нибудь идейно ему созвучного; да вот — не удавалось! Такие все же и были, как я впоследствии убедился, но представляли собою, подлинно, RARAE AVES.

Через некоторое время Гуль предложил познакомить меня с Мельгуновым, на что я с радостью согласился.

Про журнал Мельгунова я знал уже давно; один номер попал мне в руки еще в лагере на улице Леру. Назвать этот журнал по имени — затруднительно, и вот почему: советский посол во Франции Богомолов после каждого выпуска просил его закрыть. Французы и закрывали. Но из-под руки они дали Мельгунову понять, что он может издавать, снова и снова, другой журнал, лишь бы под новым заглавием. В результате, выходили в свет "Свободный Голос", "Свободное Слово", "Независимое Слово" и т. д. Вскоре, как факт с четвертого номера, стали появляться там и мои статьи.

На сетования Богомолова, французский министр внутренних дел (не помню уж сейчас, кто им тогда был), сказал будто бы ему однажды: "Такой маленький по размеру журнал, с незначительным тиражом! Да почему же вы так уж его боитесь?"

Верна поговорка: "Мал золотник, да дорог!"...

Многие, вероятно, смутно себе представляют ситуацию, сложившуюся в тогдашнем Париже (да и по всей Франции). Повсюду виднелись портреты Сталина; советская миссия беспрепятственно хватала нашего брата, новых эмигрантов, где только находила. А в этом ценнейшими помощниками им служили советские патриоты из старой эмиграции,

получавшие за то сдельную плату с головы; говорили, что по 5000 франков. Цели-то у Советов и их заграничных приспешников были одинаковые: заткнуть нам рот, заглушить наш голос, помешать нам рассказывать миру правду о творящемся в СССР.

С точки зрения закона, в глазах Запада, мы никаких прав не имели, ни на чье покровительство рассчитывать не могли: согласно ялтинскому договору, все, жившие в Советском Союзе вплоть до заключения сделки между Гитлером и Сталиным и последовавшего передвижения большевиков на запад, подлежали выдаче.

Никакой антикоммунистической русской печати во Франции не существовало. Зато выходили поддерживаемые большевиками просоветские "Русские Новости", "Советский Гражданин" и даже юмористическая газета "Честный Слон".

Русские антикоммунисты фактически ушли в подполье и на поверхности не появлялись. Действовали и шумели лишь предатели Белого Движения, сделавшиеся, — искренне или притворно, — поклонниками Сталина и слушателями его режима.

Впрочем, и французским антикоммунистам в те годы приходилось несладко: им приклеивали ярлык коллаборантов, — а уж тогда... Молодой писатель Роже Бразильяк был расстрелян; другой писатель, Дриле ла Рошель, покончил с собою; выдающийся идеолог монархизма Шарль Моррас сидел в тюрьме... Список можно бы далеко продолжить; да не к чему.

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Университет, II-й курс. Финская война

(см. №№ 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 61, 63)

Пропаганда советской прессы против Финляндии, завершившаяся сообщением, что финны обстреляли советские пограничные заставы, утверждения, что Финляндия намерена напасть на Советский Союз с целью захватить Ленинград, город, в котором было больше жителей, чем во всей Финляндии, вызывала чувство глубокого стыда. Конечно, мы не отождествляли себя с коммунистическими диктаторами. Мы всегда говорили "они" и "мы", но все же они действовали от нашего, от народного имени. Все как-то не верилось, что "мы" нападём на маленькую Финляндию.

Но нападение совершилось. И Ленинград погрузился во тьму. Хотя у финнов не было никакой возможности совершать налеты на Ленинград, затемнение было полное и требовалось оно свирепо. В СССР все проходило "кампаниями". Начиналась такая кампания, и выполнение ее требовалось самыми жесто-

Коснусь вскользь последующей судьбы Р. Б. Гуля. Через год или два он уехал в США. Там он издавал позже, в период с 1948 по 1951 год, журнал "Народная Воля", замысленный с целью привлечь нашу новую эмиграцию во стан социалистов. Из этого ничего не вышло, несмотря на участие в нем всех лучших сил русских социалистов и на стоявшие за данным печатным органом большие средства: предприятие лопнуло на 18-м номере. Немудрено: как я упоминал выше, социалистические идеи были во второй волне решительно непопулярны.

Гуль вложил в это дело много труда; даже вел устную пропаганду в лагерях ди-пи в Германии. Как анекдот, приведу одно письмо оттуда, с отзывом о нем: "Лучше бы такие к нам вовсе не приезжали!"

В дальнейшем, он стал сперва сотрудником, а там и редактором ньюйоркского "Нового Журнала". И здесь он как раз оказался *right man at the right place!* Редкое явление: он чем дальше, то больше правил, все более скептически относился к социализму, все более проникался христианским и патриотическим мышлением. С большим сочувствием отнесся он и к идеям Солженицына.

Как редактор, он проявил себя вполне квалифицированным литератором, и журнал при нем переживал определенный подъем. Его смерть явилась потерей и для эмигрантской печати в целом, и, специально, для "Нового Журнала", качество которого с тех пор значительно понизилось.

кими методами. Затем постепенно надоедало, и "кампания" спускалась на тормозах, пока о ней вообще не забывали. Так как-то раз была в городе "кампания" по запрету переходить улицу вне маркированных семафором переходов. Повсюду вдруг появились милиционеры, и за незаконный переход взимался штраф в 25 рублей. Потом постепенно милиционеры исчезали, и все опять переходили улицы, кто где хотел. Но дело с затемнением было серьезнее, все же война. Для подъездов раздобыли синие лампочки, а так город стал жутко темным. Эта темнота еще усугублялась тем, что в 1939 г. снег не выпал.

Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе.

В самом деле, снег выпал только в январе 1940 г. Морозы же наступили гораздо раньше, и какие морозы! Таких мне в

Ленинграде, где климат приморский, еще не приходилось переживать. Теперь они доходили до минус 40°, воспринимались в беснежий еще тяжелее. Мне помнится случай, когда мне казалось, что я замерзну среди бела дня и среди большого города. Трамвай не приходил. Мне нужно было проехать только две остановки и пересест на другой. В обычную погоду я прошла бы эти две остановки пешком, но в тот день пришлось бы идти против ветра, а при 40° мороза ветер резал лицо как ножом, невозможно было сделать шага, а стоять и ждать становилось тоже уже невозможно, несмотря на теплую одежду. Мы коченели. К счастью, тут была дамская общественная уборная, и женщины постоянно бегали туда погреться, что вызывало протесты работавшей там женщины, т. к. мы выхолаживали и без того не слишком теплое помещение. Наконец, подъехал переполненный трамвай. Мне удалось поставить одну ногу на подножку и, держась за поручни, проехать две остановки до пересадки. Там трамвай, к счастью, уже стоял, это была конечная остановка. То, что этот небольшой случай удержался в памяти десятилетиями, несмотря на все пережитое во время войны и после, показывает, что субъективно у меня было действительно ощущение, что я могу замерзнуть насмерть.

Товары из магазинов исчезли как по мановению палочки злого волшебника. Войны с маленьким трехмиллионным народом было достаточно, чтобы снабжение огромного города лопнуло как пузырь. В магазинах был, правда, хлеб, но и только. Да еще лежало достаточное количество грузинского чая. Совсем умереть с голода было, конечно, нельзя, но, кроме хлеба, нужна была все же и другая пища. Очереди перед продуктовыми магазинами выстраивались иногда уже с 4 часов утра, что в эти сильные морозы было страшно. Поскольку я имела возможность обедать в студенческой столовой, которая снабжалась, я не часто становилась в очередь с раннего утра, но иногда становилась: надо было достать что-нибудь и для ужина, равно как и для завтрака. Стоя закутанные в платки, еще в полной темноте длинной северной ночи, женщины не были разговорчивы, но если иногда раздавались заглушенные голоса, поднимавшие пар в морозном воздухе, то слышались большей частью слова восхищения финнами. Это было поразительно. Если уж эти женщины, мерзнувшие и голодные, многих из которых ждали дома голодные дети, находили слова восхищения мужеством финнов, то можно было представить себе, каково было общее настроение в Ленинграде. Финская война была не только непопулярна — она была в глазах большинства ленинградцев постыдна.

Последние десятилетия до революции ни одна война, которую простые русские люди воспринимали как захватническую, не была популярной. Японская война 1904—05 гг. имела целью, конечно, приостановить зарождение новой сильной державы на Дальнем Востоке, но поводом к ней были лесные концессии в Корее, и многие солдаты воспринимали это прямолинейно, именно как желание России отобрать у Японии корейский лес. Они говорили офицерам: "Зачем нам этот лес? У нас своих лесов в Сибири достаточно; если японцам он нужен, пусть себе берут". Война была непопулярна и была проиграна.

Ф. Степун в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда он как офицер запаса собирал рекрутов на Урале в начале Первой мировой войны, к нему подошли солдаты и спросили, зачем эта война: "Почему Германия нам ее объявила? Может быть, немцы очень бедные, так мы лучше сделаем для них сбор. Это обойдется нам дешевле, чем бросать наши хозяйства, которые теперь идут хорошо". Эти солдаты понимали войну тоже непосредственно, как желание захватить землю или как-либо иначе обогатиться. В Галиции солдаты тоже говорили офицерам, как и в Корее: "Зачем нам эта земля? Она гораздо хуже нашего чернозема".

Я с ранней юности относилась к Первой мировой войне крайне отрицательно и потом, в эмиграции, не могла понять представителей первой эмиграции, считавших правильным, что Россия в нее ввязалась. Я же не могла понять и простить всем тогда правившим, включая и Российского государя и правительство, что они не сумели удержать Россию от вступления в эту войну. Если муж Леночки Поня часто повторял слова Столыпина: "Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия", то мой отец все время вспоминал, как Столыпин предупреждал ни в коем случае не допускать, чтобы Россия вступила в войну. России нужны были несколько десятилетий мира, тогда ее хозяйство было бы полностью налажено, революция была бы невозможна. Но уже через три года после убийства Столыпина Россия вверглась в эту страшную, губительную войну.

Однако тогда воевали против сильного государства, которое формально первым объявило войну. Теперь же огромный и сильный Советский Союз напал на маленькую Финляндию. Конечно, мы знали, что коммунизм хочет расширять границы своего владычества, если возможно, то и на весь мир. Да, у нас сразу же появились соответствующие анекдоты, как только Советский Союз заключил с Балтийскими государствами договор об опорных пунктах. Все понимали, что

Балтийские государства были к этому принуждены. Тогда столицей Литвы было Ковно или Каунас по-литовски. Так вот у нас говорили: литовцы переименовали свою столицу и назвали ее "Покаунас" — "пока у нас". Все понимали, что это "пока" очень долго не продержится. И все же разбойничье нападение на маленькую Финляндию было для нас неожиданным и наполнило нас глубоким стыдом.

Помню одну-единственную воздушную тревогу во время этой войны. Гудки раздались днем, мы как раз выходили с лекции по марксизму-ленинизму, и нас всех, вместе с лектором, загнали в какую-то подворотню. Бомбоубежищ для населения, конечно, не было. Тогда Ленинград никто и не бомбил, вероятно, приблизился какой-нибудь разведывательный финский самолет. Мы сразу же втянули нашего лектора в дискуссию об этой войне. Ему некуда было деться. Пытаясь выкрутиться, он вдруг воскликнул: "Но ведь в Финляндии два миллиона буржуев!" Испугал, можно сказать. Я помню, как вспыхнули черные глаза Бориса: "Два миллиона буржуев и три миллиона населения? Так если у них и диктатура, то большинства над меньшинством, а не наоборот!" На счастье нашего лектора раздался отбой, и он был избавлен от необходимости отвечать.

Наш лектор марксизма-ленинизма был странным человеком. Фамилии его я почему-то не помню, но его самого помню хорошо. Я никак не могла каталогизировать его. Руководитель практических занятий на втором курсе был сначала тот же лектор, но потом он сменился совершенно понятным типом: это был равнодушный начетчик. Но наш лектор производил впечатление живого человека. Верил он сам в это учение? Трудно было дать на этот вопрос ответ. Фанатиком он не был. Читал он по обязанности и, разочаровавшись, не решался уйти? И такого впечатления он не производил. Повторяю, мне было трудно его определить. Но странным образом вышло так, что я всю свою жизнь следовала его завету. Однажды во время лекции он воскликнул: "Только не будьте обывателями! Если вы за коммунизм, то боритесь всеми силами за коммунизм, если вы против коммунизма, то боритесь всеми силами против него!" Спыхватившись, что перехватил через край, он поспешно добавил: "Наша задача сделать из вас горячих борцов за коммунизм". В отношении меня он с этой последней задачей не справился. Но обывательницей я не стала и по мере сил всю жизнь боролась против коммунизма.

Едва советским войскам удалось после долгих и кровавых боев захватить какое-то небольшое местечко на территории Финляндии, как там уже было организовано финское

"свободное" правительство. Для этого привезли из Москвы многолетнего члена Коминтерна Отто Куусинена и еще нескольких финских "товарищей" — как позже из Москвы в Берлин привезли Вильгельма Пика — и заключили с этим "правительством" договор. В тексте стояло: с "господином Куусиненом". Длинный стол, служивший кафедрой нашим профессорам, в том числе и лектору марксизма, был на его лекции засыпан бумажками с вопросами. Один из них я помню, он прочел его вслух: "С каких пор товарищ Куусинен стал господином?" Наш лектор только усмехнулся. Что он мог ответить?

Конечно, была создана "народная финская армия". В Ленинграде на улицах появились военные в фантастических формах. Тут я сначала снаивничала, спросив Галю В., что это за ряженые. Она ответила, что это "народная финская армия". Я — еще наивнее: "Зачем же они приехали в Ленинград?" Она: "Да что ты, они еще не уехали!" Скоро всем стало известно, что "народная финская армия" состоит из солдат советской армии родом из Карело-финской республики. Их выделили из регулярных войск, переодели в выдуманную форму и отправили на финский фронт, конечно, только как символ: их было слишком мало для действительного ведения войны. Поскольку их и для символического присутствия было недостаточно, стали в их ряды переводить и некоторое число русских солдат, фамилия которых поддавалась переводу. Например, солдат Лебедев получал как фамилию финское слово, означавшее "лебедь".

С завоеванной советской армией территории финны уходили все. Ни один человек не оставался. Солдаты находили иногда в домах накрытый стол, остатки завтрака, обеда или ужина, смотря в какое время войска занимали то или иное местечко, но ни одного человека. Советских солдат это очень угнетало. Им внушали, что они идут освобождать финнов от капиталистических эксплуататоров, а освобождать было буквально некого. Благоустроенные финские дома, обстановка их жизни потрясали советских солдат. Финны сражались с мужеством отчаяния, стреляли с деревьев, спускали плотины, так что даже в ту суровую зиму советские части иногда заливала тут же замерзшая вода. Лыжные финские отряды были очень подвижны и хорошо обучены. Со стороны Советского Союза официально воевал только Ленинградский военный округ, но на самом деле войска подвозились и из других мест. Наконец, прибыли сибирские лыжные части, которые могли противостоять финнам. Днем войска по городу никогда не провозились, но ночью они текли через самый центр города сплош-

ным потоком. И после наших посещений оперы мы видели их, видели и сибиряков на грузовиках, в шубах и с лыжами в руках.

Как только началась война и город погрузился во тьму тотального затемнения, так в Ленинграде сразу возник сильнейший бандитизм. Самым невинным было еще ограбление, гонялись особенно за часами, которых все время до Второй мировой войны в СССР для потребителя не производили, я имею в виду ручные и карманные часы. Так называемые "ходики", примитивные стенные часы, в продаже были. Но стали происходить и страшные вещи: изнасилования, убийства и увечья ради забавы; прохожим резали бритвами носы и уши, просто так, без всякой цели. В 6–7 часов вечера служащие спешили домой, трамваи и троллейбусы были особенно набиты, а потом огромный город пустел. Странно и немного жутко было видеть темный, пустой, почти мертвый Ленинград. А я его видела, т. к. удерживать меня от посещения моей любимой оперы было невозможно, даже если не оказывалось никого, чтобы проводить меня до дому, т. е. если я шла в оперу одна. Один случай мне врезался в память: я возвращалась одна и была уже недалеко от дома, где жила. Улицы были совершенно пустыми, как вдруг из-за угла вывернулись три парня. Один из них спросил меня: "Вы не знаете, сколько времени?" Автоматически я подошла к синей лампочке в подъезде, приоткрыла рукав, посмотрела на свои ручные часы — мой отец купил мне их в комиссионном магазине — и сказала, сколько времени. Он ответил "спасибо", и все три пошли дальше. Только после я сообразила, что наименьшее, что могло случиться, это была потеря часов. Я сама рассказывала то ли истинные случаи, то ли анекдоты о том, как похищали часы, а тут поступила так, как будто никогда ни о чем подобном и не слышала. Это были порядочные молодые люди, но могло быть и иначе. Полное отсутствие инстинктивного страха тоже не совсем хорошо.

Может быть, в разговорах о бандитизме кое-что и преувеличивалось, но то, что они не были пустыми слухами, доказывал тот факт, что приблизительно в середине войны в Ленинграде были введены военно-полевые суды за бандитизм. Суд выносил приговор в 24 часа, и он тотчас же приводился в исполнение. За убийство, изнасилование и увечье полагался расстрел. "Ленинградская правда" стала в каждом номере печатать списки в 10–15 человек расстрелянных за бандитизм. Бандитизм прекратился. Прекратились и разговоры о нем.

Потери советской армии были очень большими. Их, конечно, скрывали, но о них говорили и, не зная настоящих цифр, может

быть, даже преувеличивали. Снабжение города не улучшалось. Полки магазинов были, по-прежнему, пусты. Город глухо волновался. По Ленинграду поползли слухи, что Путиловские заводы, "колыбель революции", будут бастовать. Читателю в наше время, может быть, покажется, что в этом не было ничего особенного, но во времена сталинского террора даже одна мысль о забастовке казалась невероятно смелой. Это же были не только глубоко затаенные мысли, а слова, слухи, передававшиеся из уст в уста.

Помню, как-то во время этой войны не то "Правда", не то "Известия" поместили большую статью, подвал, о зверствах итальянских чернорубашечников — слова "фашисты" не было. Я удивилась. Дружба с гитлеровской Германией, "скрепленная кровью", продолжалась. Даже гибель немецкого крейсера "Бисмарк" в бою с английским флотом советское радио оплакивало так, как будто погиб советский военный корабль. В это время щадили и итальянских фашистов — а тут вдруг такой выпад! На этот раз я не реагировала наивно, я понимала, что дело вовсе не в том, хорошо или дурно поступают итальянские фашисты, дело было в том, что итальянское правительство сделало что-то не понравившееся советским властям. Поскольку отец Гали был крупным инженером и слышал иногда то, чего не знали другие, я спросила ее, не слышала ли она, что сделали итальянцы. Она ответила: "Они продали какое-то количество самолетов Финляндии". Все стало ясно.

В начале марта 1940 г. был объявлен конец войны, так же неожиданно, как было объявлено ее начало. От Финляндии отхватили кусочек, но страна своим героизмом отстояла свою свободу и независимость. Забегая вперед, укажу на то, что и после Второй мировой войны Финляндия оказалась единственной маленькой страной, воевавшей на стороне Германии, которая не стала советским сателлитом, как Болгария, Румыния и Венгрия, хотя и должна была сделать некоторые уступки в вопросах внешней политики. И та же Финляндия была единственной страной, не поспешившей в конце войны подлизаться к Советскому Союзу. Ее стойкость и мужество спасли ее еще раз.

Но вернемся к 1940 г. Правительство Отто Куусинена и его "народная армия" исчезли в небытие так же быстро, как они перед тем возникли.

В магазинах Ленинграда вдруг появились все продукты, но продажа в одни руки была ограничена. Так, например, масла можно было купить только 100 гр. Одновременно было запрещено посылать из Ленинграда пакеты — все равно какие. Чтобы послать пакет, надо было ехать в какой-нибудь

городок на расстоянии 50 км от Ленинграда — в районе 50 км на почте нельзя было сдать пакета. В Пскове давно уже не было масла, и я привозила его из Ленинграда, когда ехала домой. И после ограничения до 100 гр. было не так трудно привезти килограмм, нужно было только обойти 10 магазинов.

На первой же лекции марксизма-ленинизма после окончания войны стол нашего лектора был снова завален бумажками с вопросами. Большинство из них сводилось к одному: "Куда девался наш лозунг "мир без аннексий и контрибуций"? Наш лектор чувствовал себя неловко; покрутившись, он начал говорить о том, что отнятые у Финляндии земли были исконными русскими землями. Весь зал грохнул хохотом. Слишком долго вбивали марксисты нам в головы интернационализм, слишком долго издевались над русской историей, чтобы мы могли теперь без смеха слушать патриотические заявления из их же уст. Наш лектор покраснел, потом побледнел, мы же хохотали. Не зная, как остановить наш смех, он вдруг закричал с угрозой в голосе: "Что же вы хотите, чтобы наши солдаты опять умирали на линии Маннергейма?" Мы поняли угрозу и притихли.

Один из наших школьных товарищей, поступивших в какой-то технический вуз, остался уже на первом курсе на второй год, и его призвали в армию. Студентов, успешно продвигавшихся, в армию не призывали. Володя был на финском фронте и благополучно вернулся. Мы, его бывшие школьные товарищи, устроили ему скромную встречу с угощением. Из молодых людей нашего класса, кроме самого Володи, был только Борис, тоже учившийся в техническом вузе. Ваня и другой Володя, ушедшие в военную школу, оказались от нас как-то совсем отрезанными. В школе из мальчиков на наши вечера 4 подруг чаще всего приходил Борис, очень спокойный и немного замкнутый, но личная симпатия у меня была скорее взаимно с Ваней. Его уход в военную школу меня разочаровал. Как я уже писала, армия нам тогда представлялась полностью политизированной в ее командном составе и потому непривлекательной. Странно, что из всего лишь шести мальчиков нашего выпускного класса я двух почти не помню, даже их имена исчезли из памяти. Девочек я помню всех. На встрече Володи после финской войны были Катя, Валя, Инна, не помню хорошо, была ли Нина, учившаяся в каком-то техническом вузе. С Ниной у нас была слабая связь, но я помню ее рассказ, столь характерный для той атмосферы, в которой мы жили. Она как-то вошла в трамвай, где была группа немецких моряков. Один из них сидел, он встал, предложил Нине место

и сказал: "Битте". Нина автоматически ответила: "Данке". Матросы увидели, что Нина понимает по-немецки и захотели с ней поговорить. Но она так безумно испугалась, что ее заметят разговаривающей с иностранцами, что поспешно выскочила из трамвая на следующей же остановке.

Так вот, была ли на встрече эта Нина, я не помню. Других не было. Зина была в Горьком, Лида тогда еще не перебралась из Казани в Ленинград, а куда пошли учиться Мила и Галя, я даже не знала, но они учились не в Ленинграде.

Когда наша маленькая группа встала из-за стола со скромным угощением и начала бродить по небольшому помещению, Володя отозвал меня в коридорчик и сказал: "Если б ты знала, как удручало то, что все люди от нас уходили. Все было мертво, как ипритом полито. Так стыдно и больно выдавать себя за "освободителей"! Чьих? Пустых мест?" Отчего Володя сказал это именно мне и с глазу на глаз? Понятно, что он не решался высказаться даже в нашей маленькой группе, хотя я и не думаю, чтобы кто-нибудь из нас пошел доносить, но отчего именно мне? Мы никогда не дружили. В школе он слегка ухаживал за Валею, но сказал он то, что у него наболело, мне. Думаю, что слишком ясно все вокруг чувствовали, как и у меня болит душа.

Помнится также, что, когда я в тот год ехала домой на 1-е мая, я попала в поезде в купе, где были лишь командиры. Все они были подвыпившими, и я опасалась, что мне придется искать другое купе. Но они вели себя прилично. Только один сказал: "Знаете, мы на фронте видели много финнок, вот таких финнок, — и он вытащил финский нож, — других финнок мы не видели". Безлюдие занимаемых областей угнетало всех.

После войны на армию, совсем не покрывшую себя славой, посыпались награды, ордена раздавались пачками. В Ленинграде даже ходил такой анекдот: девушка и командир познакомились по телефону, им взаимно понравились их голоса и вообще, разговор, и они решили познакомиться лично, пойти вместе в кино. Вопрос был, как они узнают друг друга. Она сказала: "Ищите меня, я буду в синем костюме и модельных туфлях". Он: "Нет, ищите вы меня, мало ли синих костюмов и модельных туфель; я буду в форме и без ордена". У какой-то части командного состава первая после гражданской война растормозила дурные инстинкты. Превышенные и большей частью незаслуженные награды тоже сыграли свою роль. Известно, что командиры первых десятилетий советской власти выходили из мало интеллигентной среды, но если они в военных школах все же получали некоторую шлифов-

ку, то их жены были большей частью еще менее образованы и воспитаны. После оккупации Прибалтики именно о женах командиров, приехавших спустя некоторое время к своим мужьям, рассказывались разные анекдоты. Например, что они в Риге купили ночные рубашки и, приняв их за вечерние платья, пошли в них в театр. Впрочем, и о самих командирах говорили, что, попав первый раз на богатейший центральный рынок в Риге, они недоуменно спрашивали: "Когда кончится эта сельскохозяйственная выставка?" Что ж, коммунисты ее прикончили.

Но после финской войны распущенность иных не только солдат, или даже меньше солдат, чем командиров, бросалась в глаза, и о ней много говорили. Были даже случаи, когда командиры убивали своих жен, простых баб, как они заявляли, которые больше не подходили орденосносцам. Конечно, это были единичные случаи, но о них много говорилось.

Говорилось также и о судьбе пленных советских воинов, возвращенных финнами. По тогдашним нашим сведениям, они все пошли сразу же в концлагеря. Не так давно мне пришлось прочесть, что их якобы расстреляли на месте. Не знаю, верно ли это. Если б их расстреливали в Ленинграде или поблизости, то слухи бы просочились. Большой европейский город, каким всегда был даже переименованный город Петра, не держал язык за зубами в такой мере, как провинция или даже тогдашняя Москва.

После военных потрясений учебный год постепенно вошел в свое русло. На математико-механическом факультете (такие факультеты с отдельным физическим факультетом были только в Москве и в Ленинграде, в других университетах были физико-математические факультеты) можно было избрать одну из трех более узких специальностей: чистую математику, астрономию и математическую механику. Выбор надо было сделать уже после зимних каникул, т. к. во втором семестре второго года начинались факультативные курсы по каждой из трех специальностей, причем они читались в одно и то же время. Я колебалась между астрономией и чистой математикой, и мне хотелось отложить решение и посещать как курс сферической астрономии, читавшийся для астрономов, так и курс теории чисел, читавшийся для математиков. Но поскольку они читались одновременно, это было невозможно. Юля ушла на астрономию, Галя на математическую механику, Катя Т. пошла на чистую математику. В конце концов, я тоже остановилась на чистой математике. Астрономия меня очень привлекала, но у меня было чувство, что я внутренне теряюсь в этих огромных пространствах, так же, как я терялась в

необъятности спекулятивной философии. У меня еще не было внутренних устоев. Я не знала, что можно противопоставить чувству бессмысленности человеческого бытия в этом океане небесных тел, где наша Земля — одно из микроскопических и ничем не выделяющихся. Мое сомнение в смысле жизни росло по мере уменьшения значения нашей планеты и всех нас при погружении в бесчисленные галактики. Я чувствовала, как почва окончательно ускользает из-под ног. Вопрос здесь стоял не о большем или меньшем интересе к тем или иным научным познаниям, а о личном существовании. Это был экзистенциальный вопрос. И я попробовала снова задвинуть его заслонкой, выбрав чистую математику.

Теория чисел мне заранее казалась интересной, но преподавалась она неудачно. Читал ее Тартаковский, тот самый, с которым сотрудничал мой отец, когда писал свою диссертацию по высшей алгебре. От отца я знала, что Тартаковский — крупный ученый и приятный в обращении человек, с которым мой отец мог прекрасно сотрудничать. По внешности с него можно было писать карикатуру на еврея. Внешность для профессора неважна, гораздо хуже было то, что он был никудышным педагогом, что нередко бывает с кабинетными учеными. Он картавил, даже немного шепелявил и при этом говорил так быстро, что за ним едва можно было уследить. Так же быстро он писал на доске формулы, часто закрывая доску собой, а затем их стирал прежде, чем многие из нас успевали их освоить и переписать. Я же в моем тогдашнем внутреннем состоянии вообще не получила никакого впечатления от теории чисел в изложении Тартаковского. Еще хорошо, что отец посоветовал мне книгу Поссе, по которой я кое-как освоилась с предметом.

Заложенные на первом курсе основы анализа и геометрии были так прочны, что их дальнейшее развитие не представляло для меня труда. По этим предметам я сдала экзамены в конце курса не только хорошо, но даже блестяще. Математический анализ кончался в конце второго курса, и по нему экзаменовали особенно строго. Наряду с профессором всегда экзаменовали и ассистенты, одному профессору было бы не справиться. Я, к сожалению, попала к ассистенту, который "гонял" меня необыкновенно долго, прежде чем поставить 5. Подписывать же отметку в зачетной книжке должен был профессор, и когда я подошла к Канторовичу, он сказал: "Что он вас так долго мучил? Я уж хотел вмешаться, но если поставил 5, то все в порядке". Я удивилась, что этот молодой профессор, он был моложе своих ассистентов, так внимательно следил за экза-

менами. Новый же предмет, теорию чисел, я сдала лишь на тройку.

На время экзаменов мама приехала в Ленинград и остановилась, конечно, в комнате, где я жила. По окончании экзаменов мы вместе намеревались вернуться в Псков, я — на летние каникулы. Как-то раз я была у Кати Т., где мы вместе готовились к какому-то экзамену. Она жила на Петроградской стороне. Кончили мы свои занятия уже в полночь, и, когда я спустилась вниз, я заметила, что забыла у нее сумочку с деньгами, так что не могу купить билета на трамвай. Нелепо даже это писать, но мне было лень подняться по лестнице к ней, чтобы взять сумочку, и я пошла пешком в район Смольного по всему огромному городу. Я упоминаю этот двухчасовой марш в ясную белую ночь через город Петра, когда были "стройны спящие громады и светла Адмиралтейская игла", по огромному Марсову полю, залитому неверным светом соприкасавшихся зорь, только потому, что тогда я как никогда вобрала в себя любимый город, оставшийся во мне таким на десятки лет. Конечно, бродили мы и прежде группами в белые ночи по городу. Но в группе отвлекают разговоры, это же одиночное шествие было посвящено исключительно городу. Я и теперь рада, что его совершила. Конечно, я легкомысленно не подумала о том, что моя мама умирала от страха за меня, не зная, что со мной случилось и где меня искать, если я вообще не явлюсь. Однако в два часа ночи я появилась.

Политически лето 1940 г. было апогеем дружбы СССР с гитлеровской Германией. После капитуляции Франции Гитлер сказал речь, в которой призывал Англию заключить мир. Эту речь "Известия" напечатали дословно. Это была единственная речь Гитлера, напечатанная в СССР дословно. Помню я и два подвала статьи Эренбурга "Падение Парижа". Несколько лет тому назад мне пришлось где-то прочесть, что эта статья наметила уже перелом в отношениях с Германией. Такого впечатления у меня тогда не было. Мне статья Эренбурга показалась вполне лояльной к победителям, пожалуй, даже больше, чем лояльной. Германскую армию он высоко оценивал не только за боеспособность, но и за поведение. Видимый и вполне ощутимый перелом наступил позже.

Если прежде советская пропаганда последовательно заменяла наименование "национал-социализм" словом "фашизм", чтобы у населения не создалось впечатления общности между национальными и интернациональными социалистами, то в период расцвета дружбы, напротив, всячески обыгрывалась социалистическая общность. Газеты писали, что две социалистические страны противостоят англо-

американским плутократам, империалистическому мировому капитализму. В связи с этими пропагандными стараниями связать СССР и Германию идеологически, представить их союз не только как тактическое мероприятие, но и как идеологическую близость, возникали разные слухи. Так, некоторые предполагали, что СССР все же вступит в войну, но на стороне Германии, чтобы отторгнуть от Англии для себя Индию. Вспоминались слова Ленина, что путь в Берлин и Париж ведет через Пекин и Калькутту. С другой стороны, и во время этой дружбы ронялись замечания, говорившие о том, что дружба не долговечна. Помню наш военный день 31 октября, еще в 1939 г. Тогда была шестидневка, неделю ввели позже, и лишние дни, не укладывавшиеся в шестидневку, занимали особыми занятиями, нередко военными. Делавший нам в этот день доклад какой-то полковник сказал: "От Москвы до Берлина путь для самолета короткий. Мы теперь дружим, но..." Мне лично слухи о возможности вступления в войну не стороне Германии казались неправдоподобными.

Лето мы проводили в той же деревне, о которой я уже писала. Полная оккупация Прибалтики входила в то дурное, что делалось на свете. Жаль было маленьких балтийских государств, но они не сопротивлялись — и не могли, конечно. Был анекдот, что Ульманис позвонил эстонскому президенту и попросил прислать на помощь артиллерию, а тот ответил: "Как, обе пушки?". Но ввиду сдачи без сопротивления не представлялось возможности так инвестировать чувства, как во время финской войны. В это лето я до известной степени отключилась и от политических страстей. Душой постепенно все больше овладевала апатия. Но в то же лето я видела знаменательный сон, который помню так, как будто это было вчера. Я видела себя на каком-то пустыре, где я заблудилась и не могла найти дороги. Видны были развалины зданий, почему-то в греческом стиле, с колоннами и какими-то фигурами наверху. Некоторые из фигур лежали разбитыми у подножия полуразвалившихся зданий, другие еще стояли на карнизах плоских покрытий. Сначала мне показалось, что одна из фигур отделилась и начала плавно спускаться вниз, но потом я заметила, что кто-то спускался прямо с неба. Вскоре спустившийся оказался передо мной, и я поняла, что это — Иисус Христос. Я подошла к Нему и хотела спросить что-то самое важное, самое главное, но забыла что именно. Он ничего не сказал, только положил мне на голову руку и исчез. Но я после этого сразу же нашла тропинку, давно не хоженую, заросшую травой, но все же еще различимую. По ней я подошла к ограде, за которой расстилалось

зеленое поле под голубым небом и было много-много света. В ограде была калитка и около нее сидела старушка. Она открыла мне калитку и сказала: "В наше время редко кто выходит этим путем". Затем я проснулась.

Сон, казалось бы, совсем ясный. Но по-настоящему я его тогда не поняла. Мои родители, которым я его рассказала, мне

тоже ничего не сказали. Странно, но у меня даже не появилось желания прочесть Евангелия. Стыдно признаться, но тогда я еще не читала не только всей Библии, но даже и Евангелия. Должно было пройти еще больше 10 лет многих метаний и исканий, прежде чем я действительно вышла на указанный мне в этом сне путь.

(Окончание следует)

Епископ ВИКЕНТИЙ

АГОНИЯ ТЩЕСЛАВНОГО РАЗУМА

"Но как они, познавши Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но суетились в пустословиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце, называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся".

/Рим. 1:21–23/

Во всю историю человечества для большинства людей самым искушительным был соблазн придать высочайший смысл своему собственному существованию, стать существами самодостаточными. Об этом свидетельствует Библия, описывая, как первые люди не смогли устоять перед словами сатаны: "Откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло" (Быт.3:5). Стремление "быть, как боги" пронизывает всю жизнь человеческую. Обожесть себя или сотворить себе кумира в лице почитаемого артиста, писателя, футбольной команды, вокально-инструментального ансамбля и т. п. — это ли не попытки "стать, как боги" или, по крайней мере, приблизиться, приобщиться к почитаемому "божеству". Рассказывают, что один человек, знакомясь, всегда представлял себя как сосед народного артиста такого-то. И эта маленькая человеческая слабость, к которой вполне можно отнестись снисходительно, тоже отражает стремление человека стать, как Бог. "Уж если я не могу сам обожесть, то хотя бы приобщусь к божеству, будучи его соседом или приятелем, или почитателем. Если же такого божества нет, то его надо выдумать, иначе жизнь теряет смысл". Не воплощение ли это сознательного или подсознательного ощущения смысла человеческой жизни мы встречаем на каждом шагу? Музыкальные фанаты, хиппи, панки, рокеры — каждый из них придумал себе довольно-таки примитивное божество и живет им. Однако многие стараются облечь свой вымысел в более красивую форму, чтобы мысль о нарочитой искусственности смысла его жизни не точила сердце его создателя и не приходила в голову окружающим. Так возникли фантазии об идеальном обществе и совершенном человеке светлого завтра, которое можно, якобы, построить

своими силами. Увы, обязательной неизбежностью всех придуманных божеств и смыслов жизни является их отчужденность от своих создателей и существование, в конечном итоге, не для их пользы. Функционирование любой искусственной системы всегда необходимо поддерживать извне, тратя естественные ресурсы на поддержание искусственного. Такой путь превращения естественного в искусственное, выбранный человечеством, приведет к полному истощению и гибели. Материальный вечный двигатель невозможен. Для его работы необходимо питание. Без него он после начального толчка будет некоторое время работать по инерции и неминуемо остановится. Мечтая об идеальном обществе и совершенном человеке и пытаясь своими силами их создать, человечество тщетно стремится превратить себя в вечный двигатель. Ни группового, ни индивидуального бессмертия материальных тел достичь таким путем невозможно. Оно реально только в духовном состоянии, обеспечиваемом неотделимостью от Всеобщего Духа — подлинного Бога. Выдуманные же людьми бог или смысл жизни сами свое существование поддерживать не могут и так или иначе требуют для своего питания жертв. Разве не жертвуют своим временем, интересами своих близких музыкальные фанаты ради приобретения дефицитной радиоаппаратуры, магнитофонной кассеты или грампластинки? Разве не готовы вцепиться друг другу в горло и даже убить фанатичные болельщики футбольных команд? Неоднократные трагедии на стадионах неумолимо свидетельствуют о том, что тленные человеческие кумиры требуют и буквальных человеческих жертв. И чем грандиознее взлелеянный людьми идол, тем больше жертвоприношений необходимо для поддержания его существования. Россия, Китай, Камбод-

жа... Поклонение одному из самых колоссальных идолов — идее строительства совершенного общества — и попытки воплотить ее потребовали жертв неисчислимых, крови невиданной, в том числе, и самих жрецов этого идола.

Многочисленные жертвы человеческого стремления "стать, как боги" вопиют о себе, но в основной своей массе люди остаются глухими к их стенаниям, будучи сами тоже жертвами и не подозревая об этом. Жизнеобеспечивающий Божий закон: "Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира.., не поклоняйся им и не служи им" (Втор.5:7—9) повсеместно нарушается. У каждого есть свой пусть самый маленький кумир или идол, являющийся по сути своей наркотиком для своего создателя. Человечество попало в капкан наслаждения материальным и ложнодуховным бытием и "кайфует" в "собственном соку", перемежая мгновения эйфории с тяжелейшими периодами похмелья войн и распрей. И проявляется это губительное идолопоклонство и наркомания самоудовлетворения даже в малом. Нас часто завораживает известное имя, и мы воспринимаем то, что делается или говорится, в зависимости от громкости имени, а не по сути происходящего. Авторитеты влияют на людей и подавляют их на каждом шагу. Критерием истинности и подлинности стало общественное признание и общественный ярлык. Люди "заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца" (Рим.1:25). Поэтому мы часто впадаем в ошибку, принимая за истину все, что говорят и делают люди знаменитые. Из-за этого получается так, что их заблуждения губят не только их одних. И в этом очень убеждает история великого писателя Льва Николаевича Толстого.

"Мне кажется, что книга детства рода человеческого всегда будет лучше книгой детства всякого человека. Заменить эту книгу мне кажется невозможным. Изменять, сокращать Библию... мне кажется вредным. Все, каждое слово в ней справедливо как откровение и справедливо как художество... Я не могу себе представить, какое возможно было бы образование, если бы не было этой книги". Это Лев Толстой написал в 1862 году. Спустя же 15 лет он полностью отверг библейскую историю, сочтя ее "грубой, несвязной, часто просто глупой и, главное, жестокой еврейской легендой" (цитируется по книге "Педагогические статьи", М., 1911). Он не только отказался от Ветхого Завета, но и переиначил Новый, написав свое "евангелие". Великий писатель обрушился также и на Православную Церковь с ее таинствами, обрядами, иконами, верой. Свои взгляды Лев Николаевич изложил в многочисленных

сочинениях: "Исповедь", "Церковь и государство", "Критика догматического богословия", "Где любовь, там и Бог", "В чем моя вера", "Христианское учение" и других. Его рассуждения получили название толстовства, которое было одно время достаточно популярным. Да и сейчас некоторые считают Толстого основателем глубокого религиозно-философского учения. Так когда же был писатель, и в чем смысл его учения?

Он считал, что "люди существуют в мире по воле Божией. Его воля состоит в том, чтобы мы были счастливы. Для этого надо, чтобы каждый поступал с другим так, как он желал бы, чтобы поступали с ним". Добиться этого, по мысли Толстого, можно путем самосовершенствования, т. е. своими силами. Это совершенно материалистический взгляд, однако, в отличие от традиционных материалистов, писатель упоминает о Боге и о молитве к Нему. Молитва понимается им как вспомогательное средство в самосовершенствовании, как способ приведения человека в такое состояние, когда его внутренние силы возбуждены и направлены на самоулучшение и самореализацию. В письме к своему ученику П. И. Бирюкову Лев Николаевич трактует молитву как "сознание моего отношения к Богу, ...увеличение моей духовной силы, ...как разведение паров". Молитва для Толстого — это способ приведения себя в определенное состояние, и не более того. В ней он вроде бы обращается к Богу, но поскольку непонятно, какую роль играет Бог в подобном обращении к Нему и каковы последствия этого обращения, бог в молитве Толстого предстает просто символом. Одних приводит в творческое и вроде бы жизнеспособное состояние музыка, других — алкоголь или наркотики, Толстого же — символ Бога. Это подтверждается его записью в дневнике в 1904 году: "Бог есть икс; но хотя значение икса и неизвестно, нам без икса нельзя не только решать, но и составлять никакого уравнения. А жизнь есть решение уравнения".

И эта мысль отличала его понимание Бога не только в последние годы жизни, но и в период ранней зрелости. 1 февраля 1860 года он записывает в дневнике: "Бог, которого можно просить и которому можно служить — есть выражение слабости ума". Так чем же является для него Бог? "Бог есть мое желание.., то, частица чего есть моя душа. Вот и все." Он писал, что "надо определить веру, а потом Бога, а не через Бога определять веру". Иначе говоря, Толстой считает, что человеку нужно выбрать то, во что он сможет верить в этой жизни, и основное звено объекта своей веры назвать богом. По сути, Толстой призывает выдумать бога. Отсюда и вытекают его определения

веры как "знания смысла человеческой жизни", "смысла, даваемого жизни". Обращает на себя внимание то, что вера для него — смысл, знание. Его бог и вера есть производные человеческого разума, выдуманные людьми, а не существующие как объективная, хотя и трансцендентная реальность. В своем учении он воплотил давнюю и характерную для него мечту, записанную в дневнике 5 марта 1855 года: "Разговор о божестве и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле, ... действовать сознательно к соединению людей религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня". Чем не коммунистическая программа, замаскированная религиозной терминологией? Эта "новая религия" Толстого есть принятие нравственного учения Христа и воплощение его в жизни своими силами путем самосовершенствования. Божественность же Христа, евангельские чудеса, искупление от греха через голгофскую Жертву писатель отрицает. Апокалипсис Иоанна Богослова он называет "бредом откровения", принимая в Священном Писании и только то, что ему понятно, что он постиг своим гигантским, великим, но, увы, ограниченным разумом. Составляя свое "евангелие", Толстой так и пишет: "Буду включать, что понятно, а что непонятно — выбрасывать". Его отношение ко всему через разум, через понимание привело к мысли написать "материалистическое евангелие", создать образ "материального человека — Христа". Поэтому он и считает, что спасает не Христос, а Его учение. В письме царю Александру III Толстой высказывает характерную для него мысль: "На Вашу долю выпало ужаснейшее из искушений. Но как ни ужасно оно, учение Христа (подчеркнуто мною — Е. В.) разрушает его". Отсюда же логично вытекает понимание любви как производимого человеческого организмом чувства, отчетливо проявившееся в ответе писателя Синоду на публичную констатацию факта его отпадения от Церкви: "Смысл жизни каждого человека... только в увеличении в себе любви". И здесь определенно видно, что Толстой считает возможным "увеличение в себе любви" усилиями самого человека.

Резкой, беспощадной и во многом справедливой критике подвергает великий писатель православную церковь царской России. Ему претят тесная зависимость церкви от государства, насильственное принуждение к официальной вере и к участию фактически неверу-

ющих в таинствах, примитивность и формальность проповеди, ханжество и постная нравоучительность исповеди, нарочитая пышность и театральность богослужений. Поэтому он и считает, что "церковное учение есть бессовестная и вредная ложь", но, главным образом, так он думает потому, что сам не познал Бога и не обрел веры. Он полагает признаком неистинности украшательство храмов и богослужений, утверждая, что "все истинное и доброе не нуждается в украшениях и бывает просто и скромно". В своем неприятии икон, мощей, святых, таинств, священства великий писатель похож на протестанта. Однако это сходство чисто внешнее.

Отличительной особенностью учения Толстого является исповедание веры как знания смысла жизни, а Бога — как узловой точки этого знания. Поэтому гениальный писатель не мог понять сначала Евангелия от Иоанна, но, переиначив его, может быть, даже независимо от своей воли и сознания блестяще выразил свое кредо и сущность развития человечества без Бога, своими силами: "Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение то жизни стало Бог. Оно стало началом всего за Бога". Бесподобная, данная от Бога интуиция Толстого непревзойденно отразила то, жертвой чего пал сам Толстой и что является основной причиной бед человечества — "и разумение жизни стало за Бога". Однако "разумение" никак не является ни Богом, ни верой. Это-то и позволило большому русскому философу Владимиру Соловьеву назвать Толстого "проповедником пустоты", а нашему современнику В. Ф. Асмусу написать, что "религия Толстого по сути — религия без Бога". Еще раньше об этом Толстому прекрасно писала его тетя А. А. Толстая: "Достигнуть высшей степени любви, той любви, которая себя уже не знает, вот вся задача жизни... мне кажется, вы вдаетесь в то уже известное учение, которое отрицает Бого-человека, но признает человеко-бога!!" В этом подлинном откровении действительно верующего человека с огромной силой выражена суть любви не как чувства, о котором писал Толстой, а как единства с Богом и со всеми людьми через Него. Истинная любовь — это, действительно, такое единство, которое воспринимается как естественное и не вызывает никаких чувств и "разумений". И если мы спросим какого-нибудь человека, любит ли он свою руку или свой нос, он посмотрит на нас с недоумением. Но именно такое восприятие себя и Бога, себя и всех людей как естественно целого организма является истинной любовью. И отголосок этой утраченной людьми истинности мы слышим тогда, когда не можем объяснить причин любви и симпатий. Всегда можно с уверенностью

сказать, что, когда человек говорит о своей любви и указывает на ее причины, он не любит. Любовь необъяснима, иррациональна, она — не чувство, а единство, в котором часть чего-то не отрицает то, частью чего она является. Только любовь способна сохранять и поддерживать жизнь, в противном же случае противоречивая сама в себе система делается подобной больному раку организму, когда переродившаяся и противопоставившая себя всему организму группа клеток либо гибнет сама, либо умирает вместе с погубленным ею организмом. И все ширящееся повсеместное распространение онкологических заболеваний имеет прежде всего духовные корни, ибо человечество, отказавшись от Божия управления, создало в самом себе неразрешимое противоречие и превратилось в раковую опухоль на теле природы; природа продолжает жизнь по законам Бога, человечество — по своим. Лекарство от этой губительной болезни только одно — любовь как единство с Богом и через Него со всеми людьми. И производное любви — вера — это никакое не “разумение” и не уверенность в существовании чего-либо или наступлении какого-нибудь события, а практическая жизнь в единстве с Богом, практическое воплощение любви. Эта вера совсем не похожа на наше обыденное представление о ней типа “я верю, что ничего плохого не случится”. Вера — это постоянное, непрерывное пользование инструментом ощущения и осознания Бога, который заложен им в каждого человека. И Толстой, совершенно не понимая веры, тем не менее, абсолютно справедливо писал: “Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна. Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное”. К этому можно добавить, что сие видит не обязательно умный, а любой верующий человек, который именно верой истинно умен. И видит он, в самом деле, одно — единого для всех бога, бесконечного в пространстве и времени. Существование различных вероисповеданий не говорит об отсутствии Бога, а лишь свидетельствует об определенном отражении Его бесконечной многогранности. В этом смысле ни одна церковь как человеческая организация, ни одна религия не могут претендовать на абсолютное обладание истиной, допустимо лишь говорить о полноте стяжания ее, о полноте благодати. Весь Бог никогда не вместится ни в какую человеческую церковную организацию и ни в какое вероисповедание, ни в какие церковные правила и догматы. И если человек исповедует ту или иную религию, это вовсе не означает, что он должен считать другие веры ложными, а

свою — абсолютно истинной. Принципиальность в своих убеждениях есть уверенность в том, что моя личная вера является наиболее полной и дарованной лично мне Богом. О возможности разнообразных проявлений вероисповедания говорит, например, то, что Православной Церковью признана святой Мария Египетская, которая жила в пустыне, не молилась перед иконами, не причащалась, не исповедовалась в присутствии священника и не совершала многое из того, что отличает жизнь православного верующего. Но каким бы ни было вероисповедание в своих проявлениях, христианским или даже не христианским, веру в сущностном смысле этого слова отличает исповедание Бога как Творца, как Руководителя жизни, без Которого никакой человек не может делать ничего, что послужило бы к его пользе и пользе других людей. Поэтому исповедовавший самосовершенствование своими силами, с использованием лишь символа Бога Толстой не был верующим человеком, а его учение не является религией.

Оно материалистично по своей сути, и его религиозная фразеология может обмануть только людей неверующих. Вот отчего впал в глубочайшую ошибку Ленин, написав в статье “Лев Толстой, как зеркало русской революции”, что писатель осуществляет “проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и поэтому особенно омерзительной поповщины” (ПСС, т. 17, стр. 206—213). На самом деле, Толстой в своем мировоззрении был очень далек от Бога и близок к Ленину. Их обоих принципиально объединяет то, что они полагали возможным создать на земле нечто идеальное силами людей: Толстой — идеального человека, Ленин — идеальное общество. Однако построить идеальное общество или воспитать идеального человека — это значит учесть все законы, которым создаваемая система будет подчиняться, и познать все взаимосвязи ее. Для ограниченного индивидуального разума это невозможно, поскольку он сам является частью окружающего его мира. Коллективный или общественный разум также не в состоянии этого сделать, т. к. соединение индивидуальных разумов не компенсирует их ограниченности. Поэтому создание идеального человека или общества силами самих людей принципиально невозможно. Пытаться сделать это — значит уподобиться небезызвестному вралю Мюнхазену, который утверждал, что поднял сам себя за волосы. Для того, чтобы абсолютно познать себя, увидеть все свои взаимосвязи, и человек, и общество должны взглянуть на

себя со стороны, т.е. на какое-то время перестать быть человеком или человеческим обществом. Это практически невозможно. Следствие из первого закона Ньютона, утверждающее, что никакими опытами, проводящимися внутри системы, движущейся равномерно и прямолинейно, нельзя обнаружить это движение, имеет глубочайший философский смысл. Ни человек, ни человечество не могут познать себя своими силами. Не зря пословица говорит, что выше головы не прыгнешь. Познать себя и гармонично с окружающим миром существовать люди могут только с Божиим руководством. Пытаться сделать обратное — это то же самое, что стремиться увидеть всего себя целиком без помощи внешнего зеркального устройства. Даже в сфере человеческой логики можно прийти к открытию существования Бога, подобно тому, как математики осознали необходимость введения иррациональных чисел: без связующего иррационального звена логический круг познания никогда не замыкается. Однако этого понимания, к сожалению, не обнаружили ни рационалист-человековед Толстой, ни рационалист-обществовед Ленин, не осознают тщетности и пагубности своих попыток и нынешние строители новой вавилонской башни — совершенного общества. Однако В. Соловьев не зря говорил о том, что государство не должно стремиться создать на земле рай, его задача — не допустить на земле ада. И весь исторический опыт подтверждает справедливость этих слов: именно попытки создать на земле рай и создают на ней ад. Именно тщеславные потуги самосовершенствования делают существование такого человека несчастным. До сих пор все попытки людей сделать что-либо идеальное терпели сокрушительный крах: толстовство как учение вымерло, общины толстовцев распались, а практическая реализация претензий Ленина, его единомышленников и их последователей залила содрогнувшееся человечество кровью, поставила мир на грань ядерной катастрофы и довела самую большую и богатую в мире страну до экономического, социального и политического краха. Исповедуя идею непротivления злу насилием, Толстой на самом деле двигался в сторону насильственной реализации своей идеологии. Можно предполагать, что, если бы он не умер в 1910 году и продолжал бы жить в отрыве от Бога, он отказался бы от проповеди ненасилия и допустил бы целесообразность насильственной “прививки” любви и справедливости. Думается, что революционеры с бомбой и стремлением через диктатуру “железной рукой загнать людей в светлое будущее” уже не возмущали бы его. Таково естественное развитие любого мировоззрения, не основанного на подлинной вере в Бога.

Оно неизбежно приходит к необходимости своего насильственного насаждения, потому что искусственно. Это, по свидетельству современников Толстого, порой и проявлялось в его личной жизни. Писатель, так много говоривший о любви и действительно к ней стремившийся, был временами очень сух и жесток. Проповедуя красоту смирения, он был подчас деспотичен, эгоцентричен даже и в своем добре. Он, описавший гениально тончайшие человеческие переживания, был порой поражающе нечуток. Его мировоззрение уже терпело крах в его собственной жизни.

Но, вместе с тем, Толстой был художником гениальной интуиции. Его лучшие произведения написаны вопреки его разуму. Об этом справедливо говорит известный философ Н. А. Лосский: “То самое, что Толстой ясно видит как художник, он старательно отрицает как философ”. Как художник он отчетливо видел прогрессирующее омертвление православной церкви и гибельность этого для российского общества. Церковь не смогла помочь мятущемуся Толстому открыть для себя Бога и привести к Нему других людей посредством своего таланта. Она ничего не сумела сделать для предотвращения на Руси невиданного кровопролития, чудовищной человеческой розни и кошмарного физического и идеологического террора. Если бы православие в России было живым, разве случилось бы так, что считавшийся верующим российский народ вдруг с яростной ненавистью обрушился на то, чему еще вчера вроде бы поклонялся? Предчувствуя страшную трагедию, ощущая ее корни в глубинном народном неверии и мертвости российского православия, великий русский писатель на весь мир закричал о несостоятельности православной церкви. Во многом он был не прав, но главное отразил точно: церковь была не намного ближе к Богу, чем ее обличитель Лев Толстой. Однако мера их ответственности перед Богом и людьми несоизмерима. Поэтому совершенно не прав был митрополит Петербургский Антоний, когда написал С. А. Толстой, что в духовной гибели ее мужа “повинен только он сам один, а не кто-либо другой”. Церковь оказалась в этом виновной больше, чем сам Толстой, ибо в ошибках и падениях своих детей, учеников, последователей и пасомых родители, учителя, политики и пастыри всегда виноваты больше, чем их воспитанники. Непонимание этого, нежелание прислушаться ко многому справедливому в обличениях Толстого и, самое главное, кровавый плод духовной холодности русской православной церкви говорит о том, что она пребывала в состоянии духовной прелести, уподобясь лаодикийской церкви последних дней, описанной в Апокалипсисе (От. 3:14).

Толстой чуял гениальным нутром художника гибельность того пути, по которому двигалось и движется человечество. Он восставал против сущности политики, видя в ней противоестественное стремление противопоставить интересы группы людей, возведенные в ранг божества, интересам отдельного человека, интересы общества интересам личности. Он справедливо отказывался признать прогрессом развитие человечества по общему для всех закону. Он восставал против европейского западного знания, которое рассматривало человека как элемент какой-нибудь группы, а не как наибольшую ценность земной жизни, ради которой и создается общественное устройство. Ощущая божественную сущность человека, он разумом обожествил его, не учтя, что образ и подобие Божие утрачиваются при отсутствии подлинной веры. Даже гигантский ум величайшего писателя оказался не в состоянии познать все взаимосвязи и причинность событий. Он надорвался в тщеславной попытке объять необъятное, и это привело его к личной трагедии. Будучи мыслителем по форме, по существу он оказался рабом взлелеянного

им идола — собственного мыслительного процесса, принеся себя ему в жертву и став мучеником своего гениального ума. Очень глубоко и точно это заметил архимандрит Иоанн: "Толстой не был мыслителем, хотя непрестанно и жадно думал... именно от того он не был мыслителем. Мыслителем, а тем более пророком может быть лишь тот, кто имеет власть отходить от своих мыслей; кто может быть свободным от них в глубине своих духовных постижений" ("Толстой и Церковь", Берлин, 1939, стр. 16). В отрыве от Бога и из-за отсутствия подлинной веры жизнь Льва Николаевича Толстого стала, в назидание всем нам, живущим теперь, мучительной пыткой самореализации. Исследуя его жизнь, читая его бессмертные произведения, мы можем лучше понять саму жизнь и постараться не повторить его ошибок, но делая это не своими силами, а с помощью Того, Кто один лишь может послужить для нашего истинного блага. Ибо "нет мудрости, и нет разума, и нет совета вопреки Господу" (Пр. 21:30).

30 июля 1989 г.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

Печатается в порядке дискуссии

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ЦЕРКОВНЫМ ВОПРОСАМ

В последнее время на страницах российской зарубежной печати довольно часто стали появляться статьи протоиерея о. Льва Лебедева¹, посвященные текущим спорным вопросам церковного бытия. При этом эти публикации носили почти бесспорный и "абсолютный характер", как якобы открывающие какие-то детали новой абсолютной истины. На самом деле они ровным счетом ничего не открывали и не поднимались выше церковно-политической дискуссии, часто лишенной той хотя бы минимальной духовности, которая должна присутствовать в подобного рода статьях.

И открытое письмо ряда ведущих российских писателей, обращенное к Русской Православной Церкви за границей, написанное с тревогой, от души, посвященное начавшемуся церковному расколу, совершенно понятное нам и обусловленное складывавшейся церковной обстановкой в России, вызывает у о. Лебедева отрицательное отношение к нему. Его поддерживает редакция "Русской Жизни", в своем редакционном предисловии не выходящая из рамок осуждения пресловутого "сергианства" и экуменизма. А статья самого о. Льва, заполненная рассуждениями о том, где правда и где ложь? А является ли сам о. Лев главной инстанцией по определению абсолютной лжи и абсолютной правды? Не

субъективна ли его правда и его ложь? Не субъективна ли сама редакция газеты, когда вместо духовного подхода к этой проблеме она ограничивается церковно-политической оценкой существующего положения и начинает писать об "ереси".

Постарайтесь же понять: главное, неоскрушимое, непобедимое, великое и беспредельно святое — это **ЕВХАРИСТИЯ**. Пока совершается ЕВХАРИСТИЯ, Церковь существует и живет. Нет Евхаристии — нет и Церкви. Все остальное второстепенно, третестепенно, и все сергианства, экуменизмы и прочее в подобном же роде меркнут и уходят на второй или третий план. **Никто не защищает сергианства или экуменизма**. Даже сам патриарх Алексий II в своих последних выступлениях совершенно ясно осуждает этот церковно-политический курс Московской патриархии, заявляя о своем отказе от него. И нечего ломиться в открытую дверь, декларируя свою непримиримость и ортодоксальность. Ортодоксальность может оказаться совсем не у тех, кто о ней так усиленно ратует.

Митрополит Сергей в свое время попытался заключить унию с советской властью, не давшую в церковно-политическом плане положительных результатов и, наоборот, обусловившую целый ряд побочных отрицатель-

ных явлений, вызвавших к ней оппозицию со стороны довольно широких церковных кругов. Все это так. Но одновременно на всей территории Руси **продолжала совершаться Божественная литургия**, верующие имели возможность так или иначе подходить к Евхаристической чаше, принимать Тело и Кровь Христову, нести в себе благодать Божию, воссоздающую несокрушимость церковного бытия. И именно это обстоятельство, превратившее зло в добро, в промыслительности которого я не сомневаюсь, в конечном итоге привело к **ПОБЕДЕ ЦЕРКВИ**, современниками которой мы являемся. Победила Церковь, а не Московская патриархия. Но какая Церковь? Победила столь хулимая сергианская Церковь, и вот об этом надо задуматься, а не писать только одни хульные слова в ее адрес. Непривычно? Да, но духовно правильно... Победа пришла, потому что на Руси, несмотря на все, продолжала совершаться Божественная литургия, потому что через Кровь и Тело Христово от поколения к поколению продолжала передаваться, хотя бы и в ограниченном размере, духовная сила Божественной Евхаристии. Пусть советское духовенство не выдерживает во многих отношениях критики. **Но по законам Церкви Таинство продолжало совершаться.** И невольно здесь вспоминается письмо одной больной женщины, опубликованное мною в семидесятых годах в моей книге "Зарницы духовного возрождения".

"Я молодая женщина, мать троих детей. Десять лет я была между жизнью и смертью, объехала все больницы. Признавали рак и глаукому. Из-за моей болезни ушел муж. Меня спасла Церковь. **Вам следовало бы знать, какая сила в Причащении.** Я вынуждена ходить в церковь, чтобы не умереть и не осиротить детей..." (стр. 102) Писала эта женщина, недостаточно интеллигентная и не совсем понимающая, о чем она пишет. Писала она властям, а ее письмо в конечном итоге попало в книгу "идеологического диверсанта" (по выражению тех времен). Но спрошу опять: кто же дал ей возможность причащаться Святых Тайн? Все та же сергианская Церковь.

Нам скажут: не было бы патриаршей Церкви, то же самое сделала бы Катакомбная Церковь. Здесь имеются две основные точки зрения. Одна точка зрения утверждает, что Катакомбная Церковь оказалась столь незначительной, что о ней сейчас перестали всерьез говорить. Если бы митрополит Сергей не подписал бы знаменитой декларации, то к концу восьмидесятых годов, когда появились реальные признаки грядущего освобождения, не было бы ни 60 миллионов православных верующих, ни 5000 реально действующих приходов. Была бы духовная пустыня "Са-

хара" и никакого религиозного возрождения не было бы, а о расцвете религиозности в России не пришлось бы даже и заикаться.

Другая точка зрения говорит о том, что если бы не было сергианства, то подавляющее большинство иерархов, священников и мирян ушло бы в Катакомбную Церковь. При этих условиях КТ стала более мощной в смысле количества ее последователей, могла как-то противостоять власти, в отношении ее антицерковной политики. При этом, конечно, было бы неисчислимое количество жертв, очевидно, значительно большее, чем при сергианском варианте.

Обе точки зрения вполне реальны, но история выбрала сергианский вариант решения данной проблемы. **Такова историческая реальность...**²

И если протоиерей о. Лев Лебедев хочет в действительности разобраться, где ложь, а где правда в том церковном споре, который привел к созданию приходов т. н. свободной Церкви, то он должен немного переставить объектив своего фотографического аппарата. А для этого ему, видимо, не хватает объективности и детального знания новейшей истории РПЦ. Пишущий эти строки — один из немногих оставшихся в живых свидетелей того, что происходило в 1927 году при подписании декларации митрополитом Сергием. Я был тогда в гуще событий. И я должен сказать, что между тем, что тогда происходило, и тем, что сейчас пишут современные блюстители "неповрежденных" церковных нравов, — лежит огромная дистанция, созданная историей и людьми, ее искажающими. Зачем — это уже другой вопрос. Я абсолютно далек от огульной защиты правящей иерархической верхушки РПЦ. Многие из них должны в будущем уйти. Но это делается постепенно, а не наскаком и церковными расколами, перед которыми бледнеют все отрицательные стороны Высшего церковного управления РПЦ.

Несомненно, что излишества т. н. экуменизма, вызванные отнюдь не церковными, а политическими причинами, влияющими на церковную политику вопреки даже желанию ее руководителей, могут возбудить отрицательные эмоции. Это справедливо, но виноват здесь не сам экуменизм как форма православного миссионерства, а те недопустимые преувеличения в области экуменических контактов, которые допустила Московская патриархия. Но все же "ересь" эти явления назвать нельзя. В данном случае мы имеем дело с зарубежными пропагандистскими преувеличениями, ибо никаких серьезных догматических отклонений от православного вероучения в экуменической деятельности патриархии не наблюдалось. И сергианство, уходящее в историю, и московский экуменизм — это

никакие не ереси, а исторически обусловленные моральные издержки РПЦ, вызванные боготоржеской деятельностью большевистской диктатуры. Издержки трагические, ужасные, но в конечном итоге промыслительно приведшие к освобождению РПЦ в ограниченном виде, дающем, однако, возможность ее скорейшего восстановления.

Брежит рассвет Воскресения России. Момент особенно ответственный и судьбоносный. "Воскресения день, просветимся, людие, Пасха, Господня Пасха..." И надо быть очень осторожными в своих суждениях и действиях, надо отбросить злобные и по существу устаревшие стереотипы, переосмыслить создаваемое ныне волею Божиею новое тело России, пойти по пути мира, согласия, взаимной переоценки существующего положения, перестать исчислять друг другу всякого рода прегрешения и просчеты. Когда я услышал о запрещении в служении протопресвитера о. Александра Киселева и прочитал в "Православной Руси" "Открытое письмо" митрополита Виталия, посвященное этому церковному решению, я снова стал внимательно перечитывать "крамольную" статью о. Киселева в "Русском Возрождении", чтобы найти причину его запрещения. Искал и не нашел. В ней нет никаких данных догматического или канонического характера для запрещения

в служении его автора. Имеется лишь критика церковной политики Зарубежного Синода в отношении РПЦ и призывы проявить понимание и любовь. Если это является основанием для подобных действий, то придется признать, что имеются церковные круги, разжигающие церковный пожар раскола, который ничего хорошего никому не сулит.

И еще одно замечание. Абсолютно осуждая Московскую патриархию, мы одновременно осуждаем и всю Вселенскую Православную Церковь, имеющую, как известно, евхаристическое общение с РПЦ. Осуждаем и одновременно "не обращаем внимания" на принцип "евхаристического общения", являющийся краеугольным камнем взаимоотношений между церквями. Осуждая Московскую патриархию, мы одновременно осуждаем и Католическую Церковь, имеющую с РПЦ нормальные отношения.

Не слишком ли все это? Не предельная ли гордыня, утверждающая свою исключительность, руководит теми, кто огульно осуждает РПЦ и ее возглавителей? Не надлежит ли хотя бы с минимальным смирением отнестись к тому, как на наших глазах совершается воля Божия в отношении России и ее Церкви, и пойти по иному пути, ведущему к примирению и единству?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об о. Льве Лебедеве см. также "Голос Зарубежья" № 59, В. Пирожкова "О разном. Фанатизм и ненависть". **Прим. ред.**

² Мы хотим отметить наше убеждение, что Церковь спаслась кровью мучеников, а не соглашательством ее высших иерархов. Мы верим в то, что без соглашательства Церковь победила бы много раньше и чище. С другой стороны, Господь знал, что соглашатели всегда найдутся, и Он, думая, готовил и другой путь. Есть выражение: "Бог может писать прямо на кривых строчках". Но это не значит, что мы, люди, должны Ему приготавливать кривые строчки. Мы должны хотя бы стараться писать прямо.

В заключение мы хотим привести цитату из статьи А. Нежного в № 4 (3366) "Огонька" об агентурном имени митрополита Филарета, Киевского и Галицкого, оно звучало "Антонов". Конец статьи таков: "Святые мученики — их страданиями и кровью, несмотря ни на что, была спасена наша Церковь."

Но мы все достойны будем самой плачевной участи, если, помня об их искупительной жертве, позволим Его Блаженству и его соратникам по службе в КГБ как ни в чем не бывало переступить порог алтаря.

При рождении Его Блаженство нарекли Михаилом, при пострижении в монахи дали имя Филарет, третьим именем его называли в КГБ. Я предлагаю верующим отныне и впредь так и обращаться к Его Блаженству: "Товарищ Антонов".

Точно так же под агентурным именем "Адамант" обнаруживается митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, а под кличкой "Аббат" — довольно часто призывающий нас с экранов телевизоров к добру и правде митрополит Питирим, председатель издательского отдела Московской Патриархии.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Можно считать, что это письмо несколько запоздало: после описанных событий прошло много месяцев. Но мы думаем, что этот переломный момент русской истории никогда не устареет. Кроме того, в эмигрантской печати еще недавно публиковалась чекистская клевета на антикоммунистов, на защитников свободы и чести России, например, что они якобы были все пьяными. Зачем эмигрантская, в прошлом антикоммунистическая, пресса печатает такие наветы, мы не знаем и не понимаем. Но и поэтому мы считаем правильным напечатать это письмо очевидцы.

Дорогая Вера Александровна!

Прежде всего хочу выразить свое глубокое сожаление по поводу Вашего отсутствия на Конгрессе соотечественников, имевшем место в Москве в августе 1991 года.

Мне казалось и кажется, что как раз Вам как редактору такого важного журнала, как "Голос Зарубежья", должно было быть первое и почетное место на конгрессе такого рода.

Вот почему мне хочется и как читательнице Вашего журнала поделиться с Вами своими впечатлениями от посещения России и конгресса.

Конгресс, как я уже упомянула, имел место в Москве в августе 1991 года и был созван по инициативе Бориса Николаевича Ельцина и одобрен Верховным Советом России.

Цель Конгресса — создание постоянно действующего центра Российской Культуры, который осуществлял бы взаимосвязь с российским зарубежьем.

Программа Конгресса охватывала такие темы, как: проблема гражданства, политических и экономических прав зарубежных россиян и проведение встреч с деятелями культуры, искусства, религии, деловых кругов, а так же посещение святынь, посещение богослужений, совершавшихся во все дни нашего пребывания в стране.

Осуществление программы Конгресса носило форму круглых столов и семинаров на выбранную участником Конгресса тему, с участием представителей российской интеллигенции. Всю работу по проведению программы в жизнь осуществлял Михаил Никитич Толстой со своим "штабом".

Конгресс был представлен 800 участниками из разных стран мира, большой процент составляли участники из Австралии, США, Англии, Франции, Германии.

Работа Конгресса была открыта службой в Успенском соборе 19 августа (1991), Евхаристию совершал Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, в сослужении большого числа клира.

Сейчас я хотела бы сделать некоторое отступление и передать Вам в нескольких словах о моем самом первом впечатлении по прибытии в страну.

Впервые после 50-летнего отсутствия Господь Бог сподобил меня посетить родину, которую не видела столько лет.

Первое, что казалось необычным, это то, что все говорят по-русски. Живя всю жизнь в другой стране, за пределами родины, и слыша каждый день иную речь, в данном случае немецкую, настолько привыкаешь к ней, что становится это уже закономерностью.

С аэродрома Шереметьева в гостиницу "Россия", где все мы участники Конгресса

жили, доставила меня личная, или, как говорят в стране, персональная автомашина Екатерины Юрьевны Геневои — директора Всесоюзной Государственной Библиотеки иностранной литературы. Тут же на аэродроме она вручила мне несколько приглашений для принятия участия в круглых столах, за что я и остаюсь весьма ей признательна. К сожалению, мы потом так и не встретились.

Обслуживающий персонал в гостинице также был исключительно внимателен, любезен и готов выполнить каждую нашу просьбу.

Проезд или прилет в Москву оплачивал сам участник и не получал никаких льгот. Нужно было внести 300 долларов, в эту сумму входили все расходы: проживание в гостинице в дни Конгресса и даже после, все поездки, предусмотренные планом Конгресса, посещение таких мест, как Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Псков, Санкт-Петербург и некоторые другие города, а также проезд по "Золотому Кольцу", посещение Оптиной Пустыни, Волоколамска, Сергиева Посада, Новодивеева и других мест.

Открытие Конгресса

Как я только что упомянула, открытие Конгресса было благословлено Литургией в Успенском соборе 19-го августа, в день Преображения Господня.

Мы, собравшиеся на богослужение, не знали о случившемся, о путче, поэтому задержку Патриарха я не восприняла как что-то особое, считала, что это в порядке вещей. Но заметила по поведению местных, главным образом — служащих прессы и телевидения, с которыми уже раньше познакомилась, некоторое волнение и беспокойство.

После недолгого ожидания появился Патриарх в сопровождении большого числа священнослужителей: митрополитов, епископов, священства и клира.

Хор богословов из Сергиева Посада украшал своим прекрасным пением Литургию. Вообще служба носила характер такого торжества и благолепия, что не берусь передать это словами.

После освящения фруктов и короткой проповеди Патриарха, в которой он призвал всех к преображению, мы стали покидать храм.

Не могу не отметить такого факта: во время ектении Патриарх опустил молитву о воинстве и правительстве, что было сразу же отмечено многими молившимися, особенно местными. Хотя я по-настоящему еще не понимала сути дела.

Многое стало ясно, когда мы вышли из собора и увидели, что мы окружены танками и транспортерами. Кремль и вокруг него все

было уже закрыто для транспорта, и нам пришлось идти в гостиницу пешком. Но по пути, проходя мимо танков, мы не могли миновать их спокойно.

Во-первых, сразу же многие из нас подключились к москвичам, последовавшим призыву Ельцина: "Все на Манеж" и повели разъяснительную работу среди танкистов. Нам даже удалось подняться на танк и поговорить с солдатами, хотя разговор носил форму монолога: они, все молодые, смотрели на нас непонимающими глазами и только моргали.

Мы просили их не стрелять в братьев и сестер, не выполнять приказа тех, кто их 70 лет дурачил и привел страну в нищенское состояние. Это мы делали в течение всего нашего общения с местными людьми. Особенно эффективным было сравнение двух стран: проигравшей войну Германии, откуда мы были, и выигравшим войну СССР; жизнь побежденной страны не идет ни в какое сравнение с жизнью страны победившей.

По пути в гостиницу задержались у автомашины, из которой доносился стальной голос, произносивший слова о какой-то ответственности, о недопустимости чего-то. Спросила у стоявших рядом, кто говорит; ответ был: "Они, кто же другой?"

Мне вспомнились мои лекции, в которых я не раз подчеркивала разделение на "мы" и "они". И Боже мой, в те времена все строилось на исследовании, приходилось копаться и в советских источниках, которые и источниками даже назвать было нельзя, но даже и там мы находили песчинки информации между строк. И вот слышу собственными ушами это "они". Слеза пробила от чувства благодарности за подтверждение того, что было часто построено на интуиции и Божьей милости.

У одного танка, на который взобралось несколько молодых парней, велась бурная дискуссия, и ребята успели написать на нем: "Смерть Язову", "Позор КПСС", "Долой хунту". Лейтенант, к которому я обратилась с той же просьбой, не стрелять, парировал: "Ну, как же буду стрелять, когда вот встретил друга?" И тянет руку подошедшему парню лет 20-ти.

На этом "миссия" наша по разъяснению окончилась, и мы вместе с соотечественниками отправились дальше в гостиницу. Везде по пути были милиционеры, оказывавшие нам всяческие услуги,

Официальное открытие. Конгресса было вечером того же дня в зале имени Чайковского, куда также доставил нас наш автобус.

По пути к площади, на улицах Москвы нас приветствовали жители знаками "виктори" и аплодисментами.

Бывшие на площади москвичи были оза-

бочены, и нам пришлось их утешать, уговаривать не бояться. Мы говорили им, что все будет окончено в нашу пользу и положительно для нас.

Интересны контрасты: вокруг толпа, трехцветный национальный шар, монах, раздававший подходившим к нему под благословение людям крестики. Какие-то женщины закрылись лозунгами "Свободу русской православной Церкви", внутри — хороводы. Женщины в национальных костюмах водят боярский и русский хоровод. Кругом лежат газеты свободной прессы, все что хотите, кроме советских коммунистических.

Конгресс должен был открыть сам Б. Н. Ельцин, но из-за сложности и серьезности положения он прибыть в зал Чайковского не мог.

Приветствовали нас мэр города и М. Толстой. Было несколько кратких выступлений с приветственными словами и добрыми пожеланиями, после чего М. Толстой поставил на обсуждение вопрос, нужно ли вообще проводить работу Конгресса. Все единогласно приняли решение, что Конгресс нужно провести именно и как раз теперь, как протест против действий хунты, и показать, что мы ее не признаем и не намереваемся вкладывать сабли в ножны.

Произошло небольшое "фо-па": один из участников из США предложил почтить память якобы уже погибшего Горбачева. Перед этим Толстой спросил, можно ли предоставить ему слово, мы согласились, но потом пожалели о своем согласии. Некоторые встали, но мы тут же стали шикать и призывать всех оставаться на местах.

Значительное место в художественной программе отвели группе из Израиля, но, несмотря на прекрасное художественное исполнение, зал вскоре стал пустеть, что можно было объяснить лишь тревожным положением в стране и в Москве.

По пути в отель кто-то из знавших Москву заметил, что никогда раньше улицы Москвы не были пусты в такое время вечера.

В гостинице мы почувствовали некоторую сдержанность и официальность обслуживающего персонала, пропали их вежливость и внимание. Вернулись все старые шаблоны: "все закрыто, не приказано давать, особое положение" — так зазвучали ответы на вопросы и просьбы.

Было интересно наблюдать такие "метаморфозы" в течение этих трех тревожных дней пребывания в гостинице и в Москве.

Мы стали понемногу узнавать детали о случившемся. Уже ходили слухи о том и о сем. Телевизор непрерывно передавал "Лебединое озеро" и классическую музыку, а за стенами Кремля шла прессконференция с

аккредитованными в Москве корреспондентами, на которых "давила" хунта. В свою очередь, корреспонденты свободного мира клали ее своими вопросами на лопатки.

Например, один из вопросов итальянского журналиста: "Как себя чувствуют Янаев? Не чувствует ли он, что ему нужно также отправиться на отдых и лечение"? ...У Янаева тряслись руки и дрожал голос.

Много вопросов было о Горбачеве, и многие требовали присутствия его на прессконференции и в Москве.

Утро 20 августа мы встретили более или менее спокойно. Каждый занимался своим "столом" — своей темой.

Поскольку я сразу же заявила о своем желании вести работу по вопросу "Церковь и религия", то и первый деловой день начала со встречи за круглым столом в Даниловом монастыре. "Круглым столом" руководил митрополит Кирилл. Тема: "Русская православная церковь в XX веке — история и современность". Рассматривались актуальные проблемы, стоящие перед Православной Церковью как в России, так и в Русском Зарубежье в плане их исторических предпосылок, последующего развития и современного состояния.

Отчетный доклад сделал митрополит, отметив те трудности, с которыми им приходилось и все еще приходится встречаться, сталкиваясь с официальными представителями властей.

В процессе дискуссий и обмена мнениями наше настроение пришло в состояние "комы" из-за постоянно поступающих сообщений о положении в Москве: танки окружили Белый дом, транспортеры движутся к Кремлю и т.п. Кто-то спросил, не лучше ли нам вернуться в гостиницу, но ответ был, что невозможно: все окружено и отрезано военными частями.

Я предложила, подав записочку митрополиту, встать на молитву. После молебна всем Святым в Земле Российской просиявшим и Богоматери, вдруг все переменялось. Прибегавшие иноки (с бумажками — сведениями о событиях) давали уже совсем иную информацию. Ситуация менялась. И когда мы возвращались в гостиницу, то нас обогнали несколько грузовиков с военными в красных беретах — части Ельцина, они, обгоняя нас, улыбались, аплодировали и показывали знак "виктори".

В гостинице все были снова любезны, но сообщали нам, что объявлен комендантский час и советовали из гостиницы не уходить.

Ночь с 20 на 21-ое, ночь страшная и радостная...

После ужина, одевшись по-спортивному, я пошла пройтись по улицам Москвы, главным образом, пытаюсь добраться до Кремля, где

виднелись дула пушек, направленных на него. Не успев сделать большого "маршрута", в коридоре натолкнулась на группу наших соотечественников со всем багажом отправившихся в Санкт-Петербург. Участники Конгресса, с которыми успела тут познакомиться, и незнакомые уговаривали ехать. Но, так как я не была готова, а один автобус уже увез группу на вокзал, решила, что не поеду. Однако кто-то из обслуживающих сказал, что будут ждать, пока соберусь. Помчалась наверх, побросала скарб свой в сумку и вбежала в автобус, ждавший меня больше получаса. Но в последнюю минуту, узнав, что автобус больше в гостиницу не вернется (надеялась по пути еще выиграть время и обдумать, ехать ли), как пуля выскочила из автобуса и теперь благодарю Господа Бога, что в эту ночь была в Москве.

Дежурная этажа, милая Лена, уверяла и объясняла, что лучше сидеть в отеле и никуда не выходить. Но это не подействовало на меня. Какая-то неведомая сила влекла туда, где горячо. Где стоят люди. Где стоят матери и готовятся к защите Белого дома дети.

То, что произошло в эту ночь, описать, передать словами невозможно. Думаю, что, если бы я даже обладала Бог весть каким даром речи, не смогла бы передать того энтузиазма, той стойкости, которые москвичи и особенно женщины проявили в эту ночь, в страшные минуты ожидания штурма. Они зачеркнули все клише о "народе-рабе, другой власти недостойном".

Мы, стоявшие внизу, как я говорю, под Белым домом, пользовались лишь слухами, доходящими до нас из Белого дома. "Вот Ельцину надели пуленепробиваемый жилет, вот дочь его успокаивает: "Папа, сейчас все зависит от тебя и только от тебя"... Перерыв, молчание, затаили дыхание. Говорят, ребят из Первой сотни и защитников Белого дома крестили и причащали. "Прибыл Растропович". "Пришел Шеварднадзе"... такие (и другие подобные им) обрывки сведений доходили до нас.

Ночь эта описана уже в других источниках, и я отдаю им все преимущества в описании. Небольшая группа наша отдала свое время и силы молитве, не замечая ни погоды (дождь и какая-то странная мразь, скорее не атмосферная), ни тревоги вокруг. Все сосредоточилось на молитве и уповании. Наши сердца выражали каждым ударом пульса состояние массы и расположившихся на крышах бойцов и гражданских защитников Белого дома, защитников Свободы.

В пять часов утра мы проснулись от чувства радости. Мы не верили своим глазам и ушам, слушая вести о победе. Ликование

и залпы вернули нас в реальность.

Хочется отметить поведение женщин. На все просьбы военных чинуш уйти, освободить площадь (будут стрелять) — ответ был: “Только через наши трупы”. И когда вы присутствуете при таких сценах, когда вы сопереживаете таким высоким чувствам души и сердца, то вам становится ясно, как велики чувства патриотизма и человечности в тех душах, которые в течение 73 лет пытались растлить, убить в них все человеческое!

День победы, день 21 августа, который историки занесут под рубрикой “золотого момента” в книгу Истории России, для нас начался программной работой за круглыми столами.

Пишущей эти строки предстояло снова поехать в Данилов монастырь.

Хочется вспомнить свое первое заочное знакомство с Даниловым. В 1988 году, в год 1000-летия ‘Крещения Руси, пришлось читать лекции не только для моих студентов (в то время в Институте русского языка для иностранцев — американцев — Гармиш), но и вне программы — для немецких слушателей. При подготовке к лекциям я наткнулась на Данилов монастырь, в то время только что отданный в ведомство Церкви. До того времени там был какой-то лагерь для, как тогда говорилось в советской прессе, трудновоспитуемых детей. На нашем языке — лагерь трудовой, в котором эксплуатировали подростков. Он был совершенно изолирован от внешнего мира, обнесен колючей проволокой.

И вот он, Данилов монастырь. Отстроен. И удивительно, как быстро все восстановили.

Я чувствовала как будто бы встретилась с уже знакомым другом, но в другом, радостном, его виде.

Должна признаться, что из-за ограниченности времени и из-за огромного обоюдостороннего интереса (то есть и с моей стороны ко всему, что происходило и что я видела и слышала, и со стороны всех тех, с кем судьба меня сводила) не могла охватить всего, не могла уделить внимания всем. Все приходилось делать буквально на бегу. Даже последнее интервью давала также второпях, на ходу. Просили “хоть пять минут” — пять минут и было. И к тому же даже не удосужилась узнать, для какого ТВ это было взято. Интервью давала я с моим другом из Первой сотни защитников Белого дома, с которым несла венки на похоронах погибших героев, о чем позже.

Из намеченного плана смогла выполнить то, о чем сказано, и, кроме этого, посетить Волоколамск, Новый Иерусалим и храм Святого Иосифа. Поездка заняла целый день до позднего вечера. Из виденного можно

отметить две противоположные картины: все заброшено, изгажено в прошлом, разрушено, и радостное — все восстанавливается, обновляется, строится. Состояние, в которое власти привели Волоколамск и другие святыни, также не только трудно, но и горестно описуемо.

Радует оптимизм людей, которые это делают. В Волоколамске молодые реставраторы живут в таких условиях, о которых мы и представления уже не имеем. И с какой радостью они встречали нас! И молодой архитектор (назовем только его имя: Иван), и молодой иеромонах Геннадий сияли, знакомя нас с остатками святых мест, наново восстанавливаемых.

Несмотря на скромность и убогость их жизненных условий, угощали нас чаем из самовара, с самодельным медом (такого вкусного не едала) и самодельными конфетами. Но главными были их сердечность, искренность и радость нашему посещению.

На обратном пути, заехав в Новый Иерусалим, который немцы, по словам гида и покровителя этой святыни, разрушили, мы встретили Валентину — хозяйку храма-святыни, она же гид и она же архитектор или инженер. Сколько симпатии и человечности проявила она к нам. Вообще, нам позволили посетить и осмотреть этот “объект”, да простит меня Господь за такое определение, исключительно по доброте Валентины. Мы возвращались поздно, — время, когда по закону все закрыто и никому доступа нет. Ее оповестили. Она все бросила и полностью отдалась своему излюбленному дитяти — Новому Иерусалиму. Благодарила, поила нас водой, взятой из целебного колодца, и просила приезжать. Обещала, что дело свое не оставит пока жива, доведет его до полного положительного результата.

День похорон

23 августа вся Москва, гости — все провожали в последний путь погибших при защите Белого дома троих героев. Владимира, Дмитрия и Илью. Последний был еврей.

Гражданская панихида, как ее называют в стране, началась на Красной площади. Был установлен передатчик, передававший православное и иудейское отпевания. С речами в честь погибших выступили мэр Москвы, Горбачев, Боннэр и другие лица.

После этого миллионная масса двинулась к Белому дому, где с балкона выразил свое соболезнование и печаль по поводу того, что не смог защитить молодые жертвы, Ельцин. Затем все двинулось к кладбищу, шли чинно, черепашим шагом.

Меня воодушевляло поведение не только всех принимавших участие в этой похоронной

процессии, но особенно "живое кольцо", как его окрестили. Это то же кольцо, что и у Белого дома. Здесь, взявшись за руки и не отпуская ни на минуту рук соседей, оберегали процессию от улицы, от посторонних помех. Удивительно, что, в толчее теряя куртку, сумку, платок, они, не прерывая цепи, перебежали дальше, неся свою гражданскую вахту. Я шла и думала: Господи, сколько самопожертвования и сколько любви нужно иметь, чтобы сохранить вот такую дисциплинированность и стойкость.

И припомнились мне наши здешние протесты и демонстрации, уж не говоря о другом. Да разве хватило бы нам здесь выдержки и смирения идти от 8.00 утра до 18.00 вечера? И не единой жалобы.

Некоторые шедшие рядом пели "Со святыми упокой". Мне вспомнился Пастернак: "шли и пели"... Да. Вот и тут шли и пели. Пели "Со святыми упокой".

Поскольку я была с ребятами из Первой сотни, защищавшей Белый дом, то и на похоронах была с ними. Несла венок погибшему Владимиру, которого не знала, но считала своим человеческим долгом отдать ему и всем с ним отдавшим свои молодые жизни последнюю нашу соотечественническую честь. При этом я чувствовала себя представительницей всего нашего Конгресса.

Расстановка была такова: афганцы — также несли венки, Первая сотня, национальный флаг, который сшили за одну ночь в размере 80 метров, затем все другие.

На Красной площади, где перед сценой располагались пресса и дипломатический корпус, была интересная сцена. Вдруг перед открытием Гражданской панихиды появился монах в сопровождении священника, несшего огромный портрет Государя Николая Второго. Кто был этот монах и кто священник, мне так и не удалось установить, хотя я потом подошла под благословение к священнику.

Отпевание совершал Патриарх Алексий на кладбище, где были преданы земле трое погибших. Три героя. Три молодых жизни.

Разговоры в толпе во время процессии были весьма симптоматичны. Молодежь торжествовала победу. Отмечали поведение Расстроповича. Высказывали симпатии к соотечественникам. Спрашивали совета — как теперь обращаться "милостивая государыня" или "милэди". Были ли последние вопросы серьезными, не берусь судить, но они весьма характерны и отрадны, даже если это только попытка вернуться к красивому прошлому и протест против всего грубого, советского.

Ребята мои были очень воодушевлены и благодарны за то, что я осталась с ними, что разделила этот день траура с ними. Они вписали меня в свою сотню, и теперь у нас есть связь. Хотим создать свою газету.

Ребята крестились и теперь посещают храм и служат панихиды по погибшим друзьям.

Три дня, три жертвы, три поколения и три праздника.

Вернувшись домой, я следила за иностранной и эмигрантской прессой. Многие гадают, почему путч не удался. Я читаю и возмущаюсь, не как политик, а как человек. Мне кажется неважным, почему он не удался, главное это то, что он не удался!

Были самые разные варианты догадок: "были не подготовлены... были не.., были не..." Даже слухи, что все было запланировано, что был очередной спектакль.

Но, рассуждая об удаче или неудаче путча, мы упускаем из вида самое главное, самое существенное.

Сравним силы хунты, в руках которой была армия, вооружение, и безоружных москвичей, вооруженных лишь идеей свободы, лишь желанием освободиться от ненавистной власти. Это была живая сила без пушек и автоматов. Москвичи противопоставили собственные тела танкам.

Не забудем главного. Попробуем восстановить перед глазами картину: огромный русский монархический герб с двуглавым орлом у Белого дома, портрет Государя на Красной площади и три праздника, один за другим: Спас, Преображение Господне и Успение Богородицы. Все в течение какой-то недели.

Не забыть и год. Год 1991. Год Кириопасхи, когда два начала сливаются воедино: Ангел вопияше и Христос Воскресе. Год, когда мощи Святого Серафима вернулись в родной край. А он сказал: "и летом запоют Христос Воскресе, когда я буду на своей родине". И запели.

Если вдуматься, все как-то совокупилось вокруг цифры три: три праздника, три дня, три жертвы, три поколения.

А тот Фома неверующий, который ищет причин неудач или пытается впустить яд недоверия или сомнения по отношению к нашему русскому Президенту, впервые избранному народом, пусть побыл бы там в эти три судьбоносные, три эпохальные, три символически святые дня.

Он увидел бы поведение Ельцина в тяжкие минуты, в минуты, решившие судьбу России, увидел бы и устыдился.

Нам, эмигрантам, столько лет ждавшим этого важного события, чаявшим его, вложившим столько труда, словом или делом, пером или только своим молчаливым пребыванием за пределами родины, нужно благодарить Господа Бога, пославшего нам такую радость, которой мы ждали столько лет. И мы должны благодарить Бориса Ельцина, настоящего героя тех страшных, но радостных дней, трех дней и трех трисеятельных событий,

которые войдут в историю России с именем Господа Бога, с Его Трипостасным благосло-

вением, а в земном плане с именем Ельцина.

Валентина Паунович

"СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ", 4 ЯНВАРЯ 1992 ГОДА

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**О НЕОТЛОЖНЫХ МЕРАХ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В целях дальнейшего совершенствования земельных отношений, приватизации земель, упрощения процедуры наделения граждан земельными участками постановляю:

1. Приватизацию земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, осуществлять в соответствии с действующим законодательством и настоящим Указом.

2. Установить, что решения по перераспределению земель принимаются органами местной администрации по предоставлению комитетов по земельной реформе и земельным ресурсам.

3. Колхозы и совхозы обязаны в 1992 году провести реорганизацию, привести свой статус в соответствие с Законом РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" и перерегистрироваться в соответствующих органах.

Местным органам исполнительной власти обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников государственных предприятий на беспрепятственный выход из них для создания крестьянских (фермерских) хозяйств.

4. Советам Министров республик в составе РСФСР, органам исполнительной власти краев, областей и автономных образований до 1 февраля 1992 г. установить предельные размеры земельных участков, предоставляемых крестьянским (фермерским) хозяйствам в зависимости от их специализации, численности работников, качества земли и других факторов, если до этого срока размеры не установлены соответствующими Советами народных депутатов.

Районным органам исполнительной власти совместно с комитетами по земельной реформе и земельным ресурсам установить среднерайонные нормы бесплатной передачи земли в собственность граждан с учетом качества земель.

5. Включить в фонды перераспределения земель участки, остающиеся после бесплатной передачи земель коллективам колхозов, других кооперативных сельскохозяйственных предприятий, акционерным обществам, в том числе созданным на базе государственных сельскохозяйственных предприятий.

Местной администрации организовать про-

дажу земель фонда по конкурсу, передачу в аренду с правом последующего выкупа. При проведении конкурсов и передаче в аренду преимущественные права предоставить гражданам, ранее использовавшим земельные участки на правах аренды, членам трудовых коллективов, выходящим из колхоза или совхоза с целью создания крестьянского (фермерского) хозяйства, а также другим работникам. Оставшиеся нераспределенными земли передаются или продаются по нормативной цене, а при наличии нескольких претендентов — на аукционах гражданам и юридическим лицам.

6. Коллективам совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, колхозов и кооперативов, использующих землю на праве бессрочного (постоянного) пользования, до 1 марта 1992 года принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности в соответствии с Земельным кодексом РСФСР. Местной администрации обеспечить выдачу гражданам, ставшим собственниками земли, соответствующих свидетельств на право собственности на землю, которые имеют законную силу до выдачи документов, удостоверяющих это право.

7. Для упрощения процедуры наделения земельными участками членов колхозов и работников совхозов, создающих крестьянские хозяйства, всем сельскохозяйственным предприятиям (кроме учебно-опытных хозяйств) определить земельные массивы, подлежащие предоставлению крестьянским хозяйствам в первую очередь.

8. Обязать руководителей хозяйств в течение одного месяца со дня подачи заявления о создании крестьянского (фермерского) хозяйства выделить земельные доли работника и членов его семьи в натуре. Выделенный земельный участок оформляется местной администрацией в соответствии с действующим законодательством. Одновременно с земельной долей выделяется и имущественный пай. При задержке с выделением земли и имущественного пая на руководителей хозяйств местными органами Комитета по земельной реформе и земельным ресурсам Министерства сельского хозяйства РСФСР накладывается штраф в размере трех месячных окладов.

9. Установить право граждан, выходящих из колхозов и совхозов, на обмен земельных и имущественных паев, а также сдачу их в аренду.

10. Предоставить крестьянским хозяйствам право залога земли в банках. Разрешить банкам выдачу кредитов под залог земли.

11. Министерству сельского хозяйства РСФСР, Министерству экономики и финансов РСФСР подготовить и представить Правительству РСФСР до 1 февраля 1992 года предложения о порядке определения цены на земельные участки при их продаже и покупке органами местной администрации, а также залоге земли в банке.

12. Разрешить с 1 января 1992 г. гражданам, владеющим земельными участками на правах собственности, их продажу другим гражданам и оформление сделок в местной администрации в следующих случаях:

при выходе на пенсию;

при получении земли в порядке наследования;

при переселении с целью организации крестьянского хозяйства на свободных землях фонда перераспределения;

при вложении вырученных средств от продажи земли в перерабатывающие, торговые, строительные и обслуживающие предприятия на селе.

Иные сделки купли-продажи земельных участков, не предусмотренные законодательством и настоящим Указом, недействительны.

13. Разрешить работникам сельскохозяйственных предприятий, имеющим земельные доли или земельные акции, продавать их другим работникам хозяйства или хозяйству по свободным ценам.

14. Земельные участки, выделенные для личного подсобного хозяйства, садоводства, жилищного строительства в сельской местности, передаются в собственность граждан бесплатно. Органам Комитета по земельной реформе и земельным ресурсам Министерства сельского хозяйства РСФСР обеспечить в 1992 г. выдачу документов на право собственности на указанные земельные участки.

15. Установить, что для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, садоводства, огородничества, индивидуального жилищного строительства допускается с разрешения Правительства РСФСР изъятие земель в лесах первой группы, не включенных в состав природоохранного, рекреационного и историко-культурного назначения. Выделять по согласованию с органами лесного хозяйства крестьянским (фермерским) хозяйствам лесные земли с использованием их для комплексного ведения сельского и лесного хозяйства в соответствии с требованиями лесного законодательства.

16. Комитету по земельной реформе и

земельным ресурсам Министерства сельского хозяйства РСФСР систематически готовить каталоги земель, находящихся в фонде перераспределения, публиковать их, организовать рекламу в средствах массовой информации, оказать содействие в переселении граждан, желающих и способных создать крестьянские хозяйства.

17. Комитету по земельной реформе и земельным ресурсам Министерства сельского хозяйства РСФСР и его органам на местах обеспечить привлечение к ответственности за нарушения земельного законодательства, влोकиту и злоупотребления по решению вопросов земельной реформы в соответствии со статьей 125 Земельного кодекса РСФСР.

Предоставить право комитетам по земельной реформе и земельным ресурсам республик в составе РСФСР, краев, областей, автономной области, автономных округов приостанавливать неправомерные решения районных и городских (кроме городов Москвы и Санкт-Петербурга) органов местной администрации, а районным и городским комитетам по земельной реформе и земельным ресурсам — органам сельской и поселковой администрации по вопросам изъятия и предоставления земель до рассмотрения в соответствующих органах.

18. Рекомендовать Советам Министров республик в составе РСФСР, главам администраций краев, областей, автономной области, автономных округов создавать при комитетах по земельной реформе и земельным ресурсам общественные советы по земельной реформе с участием местных отделений общественных организаций и органов крестьянского самоуправления для подготовки и представления предложений по вопросам земельной реформы местной администрации и представителям Президента РСФСР.

19. Органам Прокуратуры РСФСР в 3-месячный срок опротестовать нормативные акты и распоряжения хозяйственных руководителей, противоречащие действующему законодательству и настоящему Указу.

20. Контроль за исполнением настоящего Указа возложить на Министерства сельского хозяйства РСФСР и Контрольное управление Администрации Президента РСФСР. Докладывать о ходе исполнения Указа ежемесячно.

21. Указ вступает в силу с момента его принятия. Нормы пунктов 8 и 12 вступают в силу в порядке, установленном постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 1 ноября 1991 г. "О правовом обеспечении экономической реформы".

**Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН**

**Москва, Кремль.
27 декабря 1991 года.
№ 323.**

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ

В России вышли в свет две примечательные книги, о которых мы надеемся написать подробнее в следующем номере.

1. В Москве, в издательстве "Обновление", вышла в 1991 г. в свет книга Д. М. Панина "В человеках благоволение". Составила книгу из прежде напечатанных за границей работ Дмитрия Михайловича и написала предисловие его вдова И. Я. Панина. Радостно, что теперь в России могли быть напечатаны мысли человека, которого коммунистическая диктатура продержала в лагерях 16 лет, который только за рубежом мог при жизни трудиться и издавать свои труды. Дмитрий Михайлович не дожидаясь до того момента, когда его книга вышла в свет на его родине. К счастью, дожила сотрудница его трудов И. Я. Панина и смогла подготовить эту книгу для издания в России. На первом листе стоит: "Идеи Панина нужны сегодняшней России". Если не сам Д. М. Панин, то

его идеи вернулись на родину. Это большая радость.

2. В Москве же в издательстве "Наука" вышла в свет книга Н. Д. Кондратьева "Основные проблемы экономической статистики и динамики". Вышла она в рамках серии "Социалистическое наследие", основанной в 1990 г. Главным редактором этой серии является Ю. Н. Давыдов. Эта книга была написана автором в Бутырской тюрьме, где он находился под следствием в 1930–32 гг. Кондратьев, сто лет со дня рождения которого исполняется в этом году, погиб в 1938 г. Теперь его народу возвращаются его труды, которые, как и труды многих других, известных и неизвестных мыслителей, могли бы помочь избежать страшные десятилетия, последствия которых еще долго будут давить на наш народ, если бы они стали известны уже тогда, когда они были написаны.

Редакция

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

В №63, стр. 47, колонка 2, строка 16–17 сверху следует читать:

"Liberté, égalité, fraternité ou la mort".

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 27 600 943 18

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

